

Алгебра Слова

Студия

Алгебра Слова
Студия

«Accent Graphics communications»

2015

Алгебра Слова

Студия / Алгебра Слова — «Accent Graphics communications»,
2015

Обычная двухдневная командировка двух любящих, но несвободных людей. Главные герои мистического романа еще не знают, что возвращаться им будет некуда. Время и воображение сыграли с ними великолепную шутку. Дело начинается со случайного знакомства с господином Соломоном Абрахансоном, который может все. Как понять, кто плохой, а кто хороший? Кто живой, а кто мертвый? Когда зло может обернуться добром, а благо – крупными неприятностями? Откуда начинается любовь, и где начинается зависимость? На самом ли деле все происходит так, как нам кажется?

© Алгебра Слова, 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алгебра Слова

Студия

Глава 1

Высокий, бритый наголо, мужчина сидел на тротуаре, вытянув ноги. Его светло-синие глаза оттенялись белоснежной рубашкой. Расстегнутый пиджак делового костюма не скрывал физически развитой фигуры. Сделав несколько глотков крепкого напитка из небольшой стеклянной банки, он приложил тыльную сторону ладони к губам, и перевел дыхание.

– Семеныч! Ты вышел в народ? – двое мужчин, шедших по улице, остановились около него.

– Скорее сел. Деньги потеряли, теперь сидим и побираемся. Банкоматов нет нигде, – то ли в шутку, то ли всерьез ответил он своим коллегам, так и не поднявшись с тротуара, и отпил еще из банки. Взгляд его слегка прищуренных от солнца глаз был спокоен.

– Ну веселитесь, народные герои, мы скоро улетаем, – весело расхохотался один из подошедших, приняв все это за бесшабашную шутку. Поочередно пожав Семенычу руку в знак прощания, мужчины ушли в сторону гостиницы. Семеныч проводил их взглядом.

– Почему ты у них денег не попросил? – глядя им вслед, виновато поинтересовалась стройная девушка, которая стояла рядом с Семенычем. Ее чуть выющиеся длинные каштановые волосы рассыпались по плечам, тонкие пальцы в волнении схлестнулись и сжались, хрустнув косточками.

– Да зачем? Мне и так хорошо. Начинаем новую жизнь с нуля, с камня, так сказать. С твоей помощью, – ответил Семеныч и незаметно скользнул рукой во внутренний карман пиджака. Нашупав там банковскую карточку, он успокоился окончательно, беззаботно посмотрев на девушку: – Добро пожало!

...Провинциальный городок, куда Семеныч приехал в командировку, утопал в зелени. Особенно ее оттенки были приятны глазу во время заката. Казалось, что зеленый цвет в природе существует чуть ли не в тысячах различных вариациях.

Семеныч после деловой встречи направлялся в отель, где они остановились. Оставив Ее утром одну в номере, Семеныч выложил из бумажника имеющиеся наличные, чтобы Она могла днем побродить по магазинам и развлечь себя, как это делают все нормальные женщины.

После обеда, когда стали заказывать билеты на самолет обратно в Москву, оказалось, что кому-то двоим, из-за отсутствия билетов, придется на пару дней задержаться в этом городке на берегу почти высохшего Аральского моря.

«Отлично! Как же Она обрадуется тому, что я останусь с Ней еще на два дня, и мы сможем побродить по городу и побыть вволю вдвоем», – предвкушал Семеныч то, как преподнесет Ей свой сюрприз. Он торопился обратно в отель, потому что не мог Ей ни разу дозвониться за день, забыв в утренней спешке свой телефон в номере.

Но непредвиденный подарок преподнесла Она в виде дневного визита в казино, где оставила не только деньги, но и карточки, паспорта и телефоны в качестве залога недостающей суммы, которую умудрилась проиграть. От офиса до отеля вела узкая, почти безлюдная улочка, где они гуляли вечерами, и на которой Семеныч сейчас и увидел Ее. Она терпеливо ждала его у железной оградки на тротуаре.

Его сюрприз был безнадежно испорчен, и Семеныч не стал сообщать Ей о том, что они остаются в городе на два дня.

«Пусть теперь переживает! – негодовал Семеныч, когда узнал подробности Ее времяпрепровождения. – Чтоб я еще раз Ее куда-нибудь с собой взял!»

Через несколько минут, глядя на Ее растерянное выражение лица, от злости и раздражения не осталось и следа. А после того, как Она притащила невесть откуда банку с домашним коньяком и горячую лепешку, Семеныч и вовсе оживился, неожиданно для самого себя: «А будь, что будет!»

Возвращаться в Москву, паутиной спешки и рутинных забот окутывающей каждого, Семенычу совсем не хотелось. Городок, где они остановились, пьянил свободой и спокойствием, кружил голову ночами, наполненными любовью, и не обременял работой, которая заключалась в эпизодических деловых встречах.

Закат в городе был стремительным, и с непривычки казался внезапным. День за несколько минут превращался в вечер, который тут же становился ночью. Солнце, словно сильно уставало и быстро уходило на покой. А вот рассвет, напротив, был ленивым и медлительным...

* * *

– Какое добро? Что пожало? – Она с удивлением посмотрела на Семеныча, распахнув свои голубые глаза.

– Да любое добро! Всё пожало! – Семеныч рассмеялся. Потом резко поднялся и, взяв Ее за руку, потянул за собой. – Пойдем!

– Куда?

– Сейчас увидишь. Тут недалеко.

Семеныч, торопясь, тащил Ее за руку по извилистым улочкам, и вскоре они оказались у маленького домика с острой крышей и каменным забором с барельефом из переплетенных виноградных лоз и змей. Над дверью висела вывеска: «Добро пожало».

– Что за фантазия была у скульптора? – Она обернулась к Семенычу, ожидая ответа. – Добро пожало...

– Я же. Тебе. Говорил. Что пожало! – Семеныч посмотрел на Нее со странным оживлением, отрывисто обрывая фразы.

– Это «вать» отвалилось! – догадалась Она. – Ресторанчик, наверное, был когда-то. Смотри, дом старый, убогий, и широкое крыльцо давно прогнило.

– А сейчас узнаем.

Он отпустил Ее руку. Прошел к двери домика, зачем-то дернул за ручку, хотя рядом на скобах висел большой черный замок, не оставляющий сомнений в том, что в настоящее время посетителей не ждут, и хозяева отсутствуют.

– Я не хочу туда! Пойдем отсюда! – Она подошла к нему, и хотела снова взять его за руку, но Семеныч отмахнулся. Осмотревшись по сторонам, он прошел к ограде, подергал металлическую дугу, выпирающую из забора. Потом наклонился и вытащил из-под куста небольшой, слегка изогнутый кусок арматуры. Удовлетворенно улыбаясь и подбрасывая прут в руке, Семеныч вернулся к двери, и, высоко размахнувшись, со всей силы ударил прутом по скобе, на которой висел замок.

Она смотрела на Семеныча, не узнавая. У него даже движения стали иными. Он словно преобразился. В совсем другого человека. В человека, с которого сняли оковы... Или выпустили из тесного заточения... Или в человека, который неожиданно понял, что в мире для него нет ни законов, ни правил, ни противников, ни преград.

Она молча отступила в сторону.

Железная скоба не стала дожидаться второго удара, отскочила метра на три от двери и, обиженно звеня, закатилась под деревянную лавку. Следом отлетел замок, и дверь от удара слегка приоткрылась.

– Пожало, так пожало, – усмехнулся Семеныч, и, обернувшись к Ней, жестом пригласил, распахивая дверь. – Пойдем?

– Ты пьян! – крикнула Она.

– Пойдем, – повторил он.

– Иди! – заинтересованно наблюдая за ним, Она прислонилась к оgrade, тряхнув упрямой челкой. – Иди, иди. Если тебе так надо.

Семеныч бросил на Нее быстрый, но внимательный взгляд. Глаза его неестественно блестя. Отбросив в сторону прут, он вошел в дом.

Как только Семеныч скрылся внутри, Она тут же вскарабкалась на забор, упираясь ногами в переплетенных змей, и спрыгнула во внутренний двор.

Сад темнел, сиротливо оставленный ушедшим за горизонт солнцем. С улицы дом казался заброшенным и не жилым, но присмотревшись, Она увидела неяркий свет, который сочился сквозь оконца, выходящие во двор, оставляя бледные пятна на траве.

«Странно, что в доме кто-то есть, – мелькнула мысль. – Ведь снаружи было заперто». Крадучись возле забора, Она медленно пошла навстречу свету.

* * *

Пройдя темный коридор, Семеныч толкнул двухстворчатую резную дверь и оказался на пороге большой комнаты, освещаемой огнем из круглого камина. В помещении был длинный деревянный стол, за которым сидели мужчины в темных национальных одеждах, похожих на широкие халаты. На столе стояли высокие кувшины, глиняные чашки, большие пиалы, наполненные красным соусом, плоские тарелки с крупными кусками жареного мяса и овощами. Остро пахло перцем, мясом и вином.

Мужчины молчали. То ли они услышали шаги Семеныча чуть раньше и поэтому прервали беседу, то ли пауза возникла по другой причине. Появление Семеныча вряд ли могло быть ожидаемым, но сидящие за столом люди не выказали абсолютно никакого внешнего удивления. Один из них, сидящий в торце противоположного к входу краю стола, развернулся вполоборота, не взглянув на Семеныча:

– Здравствуй.

– Закурить не будет? – грубо спросил Семеныч. Его моментально разозлило невозмутимое и открытое приветствие.

– Нет, – ухмыльнулся в ответ мужчина. Волосы его тронула седина, смуглое лицо украшали мелкие морщины. На вид ему можно было дать немало лет, но стариком его назвать было нельзя. Что-то в нем оставалось от молодого охотника, которым он, вероятно, и был много лет назад. Он поднял на Семеныча удивительные, как синий ультрамарин, глаза, и вдруг неразборчиво крикнул что-то на незнакомом языке. Трое сидящих за столом мужчин, вскочив, схватили Семеныча, и, выкрутив ему за спиной руки, подтащили его к краю стола. Сметя стоявшую посуду, они пригнули голову Семеныча, прижав к столешнице.

«Седой» сказал что-то еще, но на этот раз еле слышно. Тогда один из державших Семеныча мужчин, выхватил из-под стола топор и без размаха хотел ударить им Семеныча по шее, точно намереваясь отсечь голову. Но мгновением ранее Семеныч, услышав «седого» и, уловив чутьем смутное движение за окном, дернул головой. Лезвие топора вонзилось в дерево, лишь немного задев подбородок по касательной. При ударе мужчины отпрянули. Воспользовавшись этим, Семеныч молниеносно потянул на себя край стола и резко опрокинул его на другую сторону. Под звон и грохот слетевшей посуды, Семеныч, сделав шаг в сторону, схватил острый тесак, лежавший на камине. Но тесак ему не понадобился: Семеныч увидел нацеленный на него карабин.

Вдруг с шумом разбилось и посыпалось стекло, а с улицы раздался пронзительный женский крик. Мужчины вздрогнув, обернулись к окну. Семеныч рывком опрокинул рядом стоявшую бочку на камин, который с шипением погас, и комната окунулась в темноту. Ловко перемахнув через лежащий на боку стол и опираясь на спины мужчин, Семеныч стремительно протиснулся между ними, вскочил на подоконник и спрыгнул в кромешную мглу южного вечера.

На секунду возникла внезапная тишина. Семеныч повалил Ее собой на траву и замер. Было слышно, как по другую сторону окна щелкнул затвор. Семеныч, крепко прижимая Ее к себе, перекатился к стене дома под оглушающую череду нескольких одиночных выстрелов.

– Я... – Семеныч зажал Ее рот. Проворно поднявшись на ноги, он, сжимая Ее руку, стал, не мешкая, удаляться вдоль стены глубоко в сад, под спасительные невысокие деревья с раскидистыми кронами, плотно опутанные ветвями друг с другом.

Миновав таким образом несколько метров, они побежали. За шелестом своих шагов в густой траве и веток, хлеставших их по лицу и плечам, не было слышно, бежал ли кто следом по саду, который казался бесконечным.

Когда сил уже не осталось, они упали на землю, тяжело и прерывисто дыша. Она уткнулась Семенычу в грудь и крепко обвила его руками, пока вдох и выдох не пришли в норму.

* * *

Прозрачно-черное небо было продырявлено яркими вкраплениями звезд. К ним тянулись темные, ветвистые макушки низких деревьев. Неслышно трепетали узкие листья, и колыхалась спящая трава. Страх ушел, поняв, что бегство оказалось удачным.

– Цел? – Она коснулась пылающей щекой его пересохших губ и судорожно скользнула рукой вниз, ощупывая Семеныча, будто желая убедиться, что с ним все в порядке. Ее ладонь вдруг замерла на его бедре. – Что это?!

– Мандарины, – невозмутимо ответил Семеныч, выуживая из карманов брюк, липкие от выделяющегося сока, мелкие фрукты.

– Где ты их взял? – Она села в траве, отряхивая свои плечи и спину.

– На деревьях, – ответил Семеныч, поднимаясь. – Пока бежали, я сорвал. Чувствую, что это вся еда на сегодня. Так что не ломайся, ешь.

Он аккуратно отделял кожуру с мятых мандаринов и протягивал Ее текущую в руках мякоть. Она, наклонив голову, ела прямо с его ладони.

– Какой черт туда тебя понес? – жуя, поинтересовалась Она.

– А тебя? – переспросил он в ответ, облизывая пальцы.

– Я за тобой пошла.

– А если бы они в тебя попали?

– А если бы в тебя?

– Не попали.

– Ну и в меня не попали! – утвердительно кивнула Она головой, и они дружно рассмеялись. – Надо ночевать где-то. А я так испугалась, как увидела в окне эту мафию доисторическую!

– А я – когда твой крик услышал. Здесь ночевать будем, некуда идти нам сегодня.

– Семеныч, я не могу на голой земле спать!

– Куда мы сейчас пойдем? Траву нарву, пиджак постелю, – стал уговаривать Ее Семеныч.

– Можно поискать какой-нибудь сарай, веранду во дворе заброшенного дома, беседку у закрывшегося уличного кафе. Можно посидеть на лавочке, например, в круглосуточном торговом центре. Можно найти зал ожидания на вокзале. Автобусная остановка, на худой конец...

– Ого, – прервал Ее Семеныч, удивленно приподняв брови. – Я вижу, отсутствие нормального ночлега совсем не является для тебя проблемой.

– Пойдем отсюда. Может, какое-нибудь укрытие подвернется. Как без крыши-то? – повторила Она.

– Вот если бы тебя посетила эта мысль в казино, лежали бы сейчас в подходящем месте, – нарочито назидательно ответил Семеныч. Она поджала губы, чувствуя себя виноватой. Днем, дожидаясь Семеныча с деловой встречи, Она прогуливалась по городу и из любопытства забрела в казино, расположенное на одной из старых тесных улочек. Выпив пару чашек кофе, Ее внезапно охватил азарт, царивший в помещении. К тому же карточная игра за соседним столом, за которой Она наблюдала, Ей была хорошо известна, и когда освободилось место игрока, Она, непонятным для себя образом, вдруг оказалась за игральным столом. Пара купюр через полчаса превратилась в пару десятков...

А еще через некоторое время Ей пришлось покинуть казино, оставив на столе все деньги, а у управляющего и все документы в качестве залога для возврата проигранной суммы.

– На себя посмотри, если бы... Вообще могли бы в земле лежать. Из-за тебя, между прочим, – отрезала Она. – Вломился в запертый дом.

– Тот дом стоял заброшенный, я, честно говоря, подумал, что мы можем там переночевать.

– Угу, – поджала Она губы. – Конечно. Переночевать. Ты на меня разозлился...

– Хватит. Больше я тебя с собой никуда никогда не возьму. Ни в какие поездки, ни в какие командировки! – Семеныч решительно помотал головой, подтверждая свои слова. Она мгновенно сглотнула подступивший к горлу комок, проклиная себя, свой недавний поступок и Семеныча заодно.

Семеныч с любопытством искоса наблюдал за Ней: за Ее заискрившимся от обиды взглядом, за Ее тут же упрямо выпрямившейся спиной в светлой майке, за напрягшимися мышцами бедер, обтянутых джинсами.

– Больно надо. Я и сама не поеду с тобой, – Она встала и, демонстративно отойдя подальше, села на траву, обхватив руками колени.

Семеныч снял пиджак, кинул на землю:

– Иди сюда.

– Не пойду. Ты меня с собой никуда не возьмешь.

– Возьму, – после долгой паузы ответил Семеныч, потянулся к ней и шепотом добавил: – Иди ко мне?

Она опустила ресницы и отвернулась, чтобы Семеныч не увидел появившегося желания.

– Катенок...

Она повернулась всем корпусом, отворачиваясь от него еще больше.

– Катюрик... – Семеныч лег на грудь, подтянувшись к Ней всем телом и, вытянув руку, одернул выбившийся край Ее майки и заботливо стал засовывать его в джинсы, тщательно стараясь поглубже заправить ткань. Он касался пальцами Ее поясницы и чувствовал, как тело Ее напряглось, а по коже пошли мурашки. Семеныч никогда не знал, что тянуло его к Кате: страсть или любовь, желание или нежность, и что из них возникло раньше. Она до сих пор оставалась для него незнакомой, непонятной, неизвестной, необыкновенной. И в его мыслях, куда Она преспокойно вошла в самую первую встречу, он звал ее «Она», не до конца понимая, что у Нее может быть обычное имя, женское тело, человеческая жизнь. Она была взрослой и маленькой, сильной и беззащитной, нежной и жестокой, понимающей и капризной, желанной и далекой. Если их взгляды встречались, Семеныч чувствовал все это одновременно, и у него начинала кружиться голова. И это никак не укладывалось в такие простые четыре обыкновенные буквы...

Катя, мигом развернувшись, оказалась у Семеныча в руках, жадно целуя его...

А через некоторое время, натянув джинсы, вскочила на ноги и, затягивая ремень, просительно посмотрела на него снизу вверх:

– Семеныч? Пойдем, пожалуйста, поищем другой ночлег?

Он улыбался, вытаскивая травинки из Ее растрепанных волос.

* * *

Семеныч не знал, где можно найти подходящее место на остаток ночи. К тому же он опасался, что негостеприимные хозяева домика с надписью: «Добро пожало» могли пойти за ними. Поэтому он привел Катю на задний двор гостиницы, где они незаметно прокрались в деревянный сарай, в котором хранились хозяйственные инструменты, сломанная мебель и другой хлам. Отжав хлипкую дверцу, они вошли внутрь и плотно прикрыли ее за собой. Возле стены высилась горка старых матрацев. Семеныч стащил несколько штук вниз, создав подобие постели.

– Что будем делать дальше? – с некоторой издевкой в голосе, поинтересовался Семеныч у организатора столь некомфортного отдыха, ожидая, что Катя хотя бы извинится. Тогда, думал Семеныч, он вытащит оставшуюся в пиджаке банковскую карту в обмен на ее раскаяние, и эта ночь останется в памяти забавным приключением.

– А что такого произошло? – ничуть не смутился организатор. – Утром дойдем до администратора гостиницы, который нас оформлял, и скажем, что нас обокрали. Или сразу пойдем в полицию, дадут справку. По ней можно в отделение банка обратиться и снять наличные со счета. Или позвоним домой, пусть перечислят в гостиницу деньги, и мы выкупим документы. Или дойдем до офиса, куда вы приехали в командировку, и пусть они твоим на фирму позвонят. Или...

– Безвыходных ситуаций у тебя не бывает? – со смехом остановил ее Семеныч.

– Пока еще не было, раз я тут, – сделала вывод Катя.

– Как у тебя все просто! – ответил он.

– Хватит! Я не специально оставила там деньги. Говорю тебе, выпила пару чашек кофе и все остальное, как в тумане.

– Кофе пьют в кафе, – заметил Семеныч. – А не в казино.

– Ну извини! – насупилась Катя, не любившая, когда ее долго стыдили в том, в чем она сама давно раскаялась, успев списать все на судьбу, безжалостно укорить себя и напрочь забыть. – Я из любопытства заглянула.

Семеныч промолчал. Его жизнь изначально никогда не предполагала сильных катаклизмов или крупных неприятностей. Вырос в приличной семье, получил образование, женился, добросовестно работал на хорошей должности, чувствуя себя обязанным быть именно таким, ради блага и спокойствия близких. Но бурлящая кровь, плотно закрытая в сосуде общественной морали, все равно иногда выкипала вспльчивостью и раздражением. А нередко и чудовищной тоской, медленно выжигающей сердце, которое хотелось самому поджечь, чтобы оно сгорело уже быстрее. С годами чувства и эмоции, не имеющие возможности вылиться в благочестивом обществе, все глубже уходили внутрь и затихали. Живя нормальной человеческой жизнью, Семенычу порой казалось, что он существует на кладбище кукол, которыми кто-то поиграл и бросил, а потом достанет и будет опять дергать за ниточки совести, ответственности и навязанных стереотипов.

– Я больше не буду? – просительно протянула Катя, придвинувшись ближе.

– Спи, горе, – улыбнулся Семеныч. – Придет новый день, и придет новая жизнь.

Катя попыталась заснуть, но ее сон, как обычно, увидев подходящие для него условия, бесследно исчез. Она смотрела в темное пространство сарая и прислушивалась к ровному дыханию Семеныча, положив его голову к себе на плечо. Коснувшись губами его виска, Катя

постаралась отогнать вечно снующие мысли подальше, чтобы освободить место для сна, который, по ее мнению, в своем поведении очень смахивал на вспыльчивого и нетерпимого Семеныча.

Вдруг Семеныч приподнялся на локте и склонился над ней:

– Помнишь, ты как-то спрашивала про то, чего бы я хотел? – он задумался. – Вот представь: большое отдельное здание из темного стекла, не примыкающее ни к каким другим строениям с огромным пространством внутреннего двора, с парковкой и другими вспомогательными прибабасами. А на здании вывеска. Что-то наподобие... Вывеска «Арт-Студия: «Симбиоз». Название условное, конечно...

Семеныч говорил почти шепотом. Катя, касаясь губами его подбородка, время от времени прижималась ухом к его груди, прислушиваясь к звуку любимого голоса. Его слова, нетерпеливо захлебываясь, высказывали, путаясь друг с другом.

– Я помню. Я спрашивала, чем бы ты хотел заниматься, а не – «где». Повесь на двери своего кабинета вывеску и окна расширь. Продолжай, или это все?

– Да нет. Подожди, – Семеныч не обратил внимания на ее иронию в голосе. – Ты же сама спрашивала! Так вот. В здании находятся помещения.

– Неожиданно, – снова не удержалась от колкости Катя.

– Да ты дашь сказать?

– Даю.

– Там будут участки, распределенные по направлениям: литература, компьютерный дизайн, фото, музыка, туризм, живопись и так далее. Компьютерные игры, например. В арт-студии формируются кружки, в которых могут встречаться люди по интересам и что-то делать, делиться навыками писательства, записывать музыку. Туризм нужен не для этого. Нельзя заикливаться на одном и том же. Если это станет работой, то тоже может надоесть, поэтому нужно будет периодически «развеиваться» и иметь возможность получения новых впечатлений, иначе можно выдохнуться, и новые идеи будут рождаться с трудом.

– О-о-очень умно. А когда эти люди этим будут заниматься? После работы? Ночью? Ты-то вон и полчасика после работы на меня не найдешь иной раз. Да и мне тяжело. Придешь вечером и стоишь на кухне до полночи. И постирать надо, и убраться, и еще какая-нибудь ерунда навалится, а в шесть – изволь опять на ноги вставать и в ту же упряжку залезать, – возразила она.

Семеныч в волнении вскочил и стал расхаживать по сараю, натываясь на разбросанные по полу предметы:

– Этим они будут заниматься не после работы, а вместо работы! Они за это будут получать деньги! Продукты этой арт-студии могут быть разными. Отдельные или симбиозные произведения. Получится нечто смешанное из разных направлений. Вот как фигурное катание является смесью балета и катанием на коньках. Так и тут. Я где-то читал, что человечеству еще предстоит открыть новые виды искусства, которые появятся в результате комбинирования тех, которые уже имеются!

– А картошку кто будет саж... – не договорила Катя, смолкнув.

С улицы послышался шум и на пороге появился сотрудник отеля в сопровождении двух человек в униформе обслуживающего персонала. Они осветили сарай двумя яркими фонариками. Семеныч молча стоял, держа руки в карманах. Когда луч фонарика вырвал его фигуру из темноты сарая, мужчины громко заговорили, недружелюбно жестикулируя. Катя поднялась, испуганно посмотрев на Семеныча. Он представился и попытался объяснить, что они проживают в одном из номеров этой гостиницы. Но мужчина затребовал документы и пригрозил полицией. Семеныч, решивший, что, на худой конец, в полицию лучше явиться самому, или вызвать ее, сидя в кабинете у администратора отеля, чем из грязного сарая, где они незаконно оказались, поднял ладони:

– О'кей, о'кей, мы уходим.

Они вышли в ночь. И побрели в никуда. Вдвоем, взявшись за руки.

– Так вот... – продолжил Семеныч. – Эти произведения... Продукты студии, и должны стать источником дохода для бизнеса. Можно при студии организовать бесплатные кружки для популяризации. Студия для них должна стать не работой, а удовольствием. Зарплата у них должна быть выше средней по рынку процентов на двадцать для новых сотрудников... И до пятидесяти процентов для старых сотрудников... Еще плюс бонусы от выручки с продукта, в которых участвуют...

– Семеныч! Это хорошо, но утопично. Это возможно, но не через одно поколение, мы не доживем до нее. До студии твоей. Люди не бросят сейчас работу и не повалят в студию, которой нет. Да и есть такие студии-то. Наверняка есть. Либо дом культуры без бизнес-продуктов, либо бизнесцентры без культуры. А там и там все равно работают те, кто любит свое дело и те, кто его не любит. Есть охота. И спать. И холодно становится.

Семеныч посмотрел на нее задумчиво:

– Еще в направления надо добавить что-то такое эзотерически-религиозно-мистическое и психологию... И еще. Направление «туризм» в студии нужно будет не только для отдыха. Путевки членам студии будут бесплатными или льготными, но с условием, что будет реклама студии...

– Ты замолчишь уже? – прервала его Катя, начиная злиться. – Если все так здорово, пиши идею, план, смету и вперед, в банк! Ты-то чего там делать будешь? Путевки сильно льготные получать?

– Не совсем. В конечном счете, смысл всего этого не в бизнесе, как таковом, а в творчестве. В развитие творческих способностей. В развитии того, что делает человека подобием бога, и что дает ему наибольший кайф... – Семеныч споткнулся, посмотрел на нее, но продолжил: – Сам этот бизнес, в таком случае, будет способом существования, при котором не нужно будет тратить время на работу, не развивающую творческих способностей, а можно будет тратить время на то, к чему лежит душа. А душа, не в человеке находится. Душа и есть сам человек.

– А нетворческие люди что будут делать? У которых нет способностей и талантов?

– У каждого они есть! Дело не в даровании, как таковом. А в том, что любой человек должен заниматься тем, что ему нравится, понимаешь? Кому-то нравится писать музыку, кому-то руководить, кому-то торговать, кому-то хотелось бы научиться строить дома. К примеру...

– Да поняла я, – вздохнула Катя. – В нашем государстве человека вынуждают сделать выбор очень рано. А некоторые его и сделать не могут из-за отсутствия возможностей. И все это выливается в монотонную деятельность на всю жизнь, называемую работой. Вот я, например, с огромным удовольствием стала бы еще и врачом. Но как? Когда? И не только одна я. Любой человек может сначала выбрать одну работу, а потом в течение жизни несколько раз захотеть ее поменять, но практически сделать это почти невозможно...

– Значит, надо сделать возможным, – размышлял Семеныч вслух. – Чтобы человек получал во время обучения необходимые на существование средства, то есть не беспокоился о семье и спокойно бы занимался своим образованием и последующей работой, которая станет интересным для него занятием... Деньги на обучение будут братья из его же зарплаты, когда он уже станет работать. То есть предприятие кредитует такого человека на время обучения, а потом кредит гасится в течение полугода или года. Все выиграют! И общество, и сам человек. Всем польза и удовольствие! Никто чтобы не работал там, где ему не нравится!

– Все работы хороши – выбирай на вкус, – вспомнила она детский стишок. И продолжила: – Ни менять, ни изучать – в любом возрасте не трусь.

Катя поежилась от прохладной ночи. И от мысли о том, что скоро они должны будут вернуться домой. А точнее, по разным домам. И вновь придется окупиться в работу, смысл кото-

рой ею трудно осознавался, в бесконечные обязанности, которые почему-то являются неизменными и обязательными спутниками достойного человека. Катя, как никто другой, чувствовала Семеныча, который был по сути своей свободным Музыкантом, философствующим наблюдателем, отчаянным искателем, нечаянно оказавшимся втиснутым в узкие рамки добропорядочного семьянина и ответственного сотрудника фирмы. Никто не понимал того, как тесно мускулам в строгом костюме, как ничтожен участок земли, называемый дачей, как убого время, которое приходится отдавать для того, чтобы в этом времени просто существовать. Семеныч писал музыку ночами, уходя от брэнности в свой мир, в котором он с удовольствием обнаружил Катю. Только там он терял время и обретал себя, пропадала тоска, появлялась энергия, и можно было жить...

Заметив Катину дрожь, Семеныч на ходу снял с себя пиджак, мимолетным движением ощутив внутренний карман. Но банковской карточки там не было. У Семеныча появилась испарина на висках. Он-то, именно на карточку и рассчитывал, потому и не терял спокойствия все это время. Семеныч собирался найти утром банкомат и выкупить из казино документы. А теперь оказалось, что они и в самом деле остались без денег, документов и крыши над головой. Карточки не было и в других карманах. Очевидно, она канула в перипетиях этой ночи.

– Семеныч, что ты делаешь?

– Ничего, вытряхиваю. Запылился, видишь? – Семеныч укутал Катю, набросив пиджак ей на плечи и, стиснув полы пиджака, поцеловал в губы. – Теплее теперь?

– Не-а.

– Поесть, значит, надо.

– Денег нет, – развела Катя руками.

Они шли по широкой улице. По одну сторону дороги вдаль простирались яблоневые и вишневые сады, поделенные вкопанными сучьями на участки, по другую – тянулись одноэтажные каменные домики, переделанные под частные лавки и небольшие ресторанчики с национальной кухней. В маленьких магазинчиках торговали домашним вином, местным табаком, фруктами, пряными травами и другими дарами южной стороны. Согрешившись, Катя протянула пиджак назад. Семеныч задумчиво его взял, остановившись возле открытых дверей какого-то кафе, откуда доносилась музыка.

– Пойдем?

– Ду-у-умаю, не стоит. Зашли не так давно, – нетвердо протянула Катя, отметив про себя, что во взгляде Семеныча появилось что-то новое: яркое, уверенное, веселое, свободное.

– Так там двери закрыты были, а здесь открыты. Значит, приглашают, – привел довод Семеныч.

– Не нас. Мы не нужны без денег никому.

Семеныч строго посмотрел на нее:

– Мы друг другу нужны, поняла? Это самое главное. А еду и ночлег я тебе сейчас найду. В два счета.

Она улыбнулась и незамедлительно скомандовала:

– Раз-два! Где еда?

– Сейчас все будет! Помедленней считай.

– Ра-а-аз, – послушно повторила Катя. Семеныч решительно переступил порог, и она шагнула в дымный полумрак следом.

На стенах просторного кафе уютно горели лампы, в резных деревянных беседках прятались столики, на которых стояли зажженные крупные свечи и тлели ароматные палочки. С черного хода, дверь которого располагалась в конце зала, позади небольшой сцены, тянуло дымом и запахом шашлыка. Дым затягивался в кафе, и, мешаясь с сигаретным чадом, создавал неясную полупрозрачную пелену. Катя глубоко и с наслаждением вдохнула воздух. Ей всегда

нравилась атмосфера отдыха людей, словно она и сама погружалась в их удовольствие и расслабленность. Будь то пляж, курортный городок или клуб.

Катя прислонилась к стене недалеко от входа, около бархатных портьер, которые были настолько огромными, что она могла бы полностью поместиться в одну из складок. В кафе почти не оставалось свободных мест. Оглядевшись вокруг, Катя нашла глазами Семеныча. Тот, помогая себе жестами, разговаривал с барменом, находясь у колонок, наполняющих и без того шумный зал энергичной и громкой мелодией. Позже бармен подозвал проходящего мимо мужчину, и они втроем отошли в сторону.

Музыка смолкла, когда Семеныч приблизился к стойке на сцене, взяв микрофон в руки. Возле сцены включилось дополнительное освещение. Теперь Катя увидела, что глаза Семеныча смотрят в упор на нее. Семеныч ее не мог видеть – между ними было слишком далеко, темно и дымно. Он ее чувствовал. Катя с удивлением уставилась на него, не понимая, что тот затеял.

– Раз, раз, – раздался его голос, потом пауза. Щелчки. Подошел молодой парень, что-то наиграл на синтезаторе. Семеныч на ухо ему напел, тот кивнул. Заиграла небыстрая музыка в притихшем зале. Катя с интересом прислушалась к вступлению Семеныча. Мотив был незнаком ей. Через минуту она вздрогнула. Первым словом было ее имя. Это было даже и не похоже на слово, это был выдох. Семеныч словно позвал ее.

Некоторые слова Катя не могла разобрать, Семеныч пел на чужом, английском, или на русском, но с чудовищным английским акцентом. Но интонация, с которой Семеныч выводил слова, была похожа на заклинание, заговаривание, и гармонично создавала композицию, то акцентируя внимание на себе, скользя, то подчеркивала аккорды. Катя любовалась им. Его силуэтом, уверенно и раскрепощенно стоящим на сцене, его рукой, небрежно держащей микрофон, его хрипловатым голосом, и скрытой, никому не заметной ухмылкой, над тем, что он поет откровенную чушь, ощущая душой лишь ритм музыки.

«Неужели, это волшебство закончится, когда его командировка подойдет к концу?» – окончательно расстроилась Катя, совершенно позабыв на мгновение о сложившейся ситуации, в которой они оказались почти у самого дна. Но, тем не менее, возникшее очарование всего происходящего в течение нескольких часов, только нарастало. Кате абсолютно не хотелось возвращать документы и телефоны, впадать обратно в русло зависимости от принятых норм поведения и уклада необходимой жизни, поджидавших где-то в Москве, словно акулья пасть, которая продолжит стискивать свои зубы, безжалостно дырявя их две бродяжные, жажущие свободы души...

Следом пошли другие песни. Семеныч что-то напевал пареньку, тот мгновенно схватывал и играл. А Семеныч пел. Катя слышала его голос и чувствовала, как ему хочется сейчас воды, как у него пересохло в горле. Но он не останавливался.

Семеныч заметил, что слева от сцены сидит тот самый «седой» из домика со странной надписью: «Добро пожало». Он был одет уже во вполне европейскую одежду: светлую рубашку с закатанными по локоть рукавами, и светлые брюки. «Седой» изредка смотрел на него, но Семеныч продолжал петь. Для Нее. Для себя. Для мира. Ради жизни. Против жизни. По внимательному взгляду «седого» Семеныч понял, что тот узнал его. Но в синих глазах не чувствовалось угрозы, и появилась заинтересованность.

Семеныч видел, как Катя бродит по залу, незаметно теряясь среди посетителей. Иногда она пропадала за деревянными беседками, потом появлялась и вновь исчезала из поля зрения.

Через пару часов Семеныч окончательно потерял ее из виду. Допев третью по счету песню, с того момента, как пропала Катя, он кивнул пареньку, сидевшему за синтезатором и положил микрофон. Сделав знак официанту, быстро прошмыгнул за барную стойку, поглядывая на «седого», но тот спокойно сидел в окружении мужчин и пил вино, оживленно переговариваясь с собеседниками, не обращая внимания на то, что Семеныч покинул сцену.

Официант провел Семеныча через кухню в подсобное помещение. В маленьком кабинете сидел мужчина, который встал из-за стола, пожал Семенычу руку и, что-то говоря, отсчитал деньги, протянув ему. Мужчина предложил остаться в ресторане в качестве исполнителя живой музыки и стал спрашивать о том, какой у Семеныча репертуар и умеет ли он играть на музыкальных инструментах. Но Семеныч торопливо поблагодарил, рассеянно прощаясь. Засунув купюры в карман, он, с опаской оглядываясь назад в зал, поспешил удалиться через черный ход, откуда шел дым и запах жареного мяса.

* * *

Семеныч миновал внутренний дворик, стараясь идти под тенью деревьев. Обойдя дом, где располагалось кафе, он вышел ко входу. Улицы освещались отвратительно, и Семеныч облегченно вздохнул. Двери кафе были по-прежнему широко открыты. Остановившись и прислушавшись, Семеныч понял, что за ним никто и не думает идти. Ночь перевалила за половину, и в городе было пустынно. Семеныч прошел по улице метров пятьдесят и вернулся. Потом в другую сторону. Затем остановился на секунду и пошел наперерез к саду, который не был огорожен забором.

– Семеныч! – раздался негромкий голос откуда-то сверху. Катя полусидела на толстой ветке, прислонившись к стволу дерева.

– Слезай! – Семеныч протянул руки к ней.

– Залезай лучше ко мне, деньги считать будем! Здесь безопаснее, – предложила Катя, насмешливо глядя сверху вниз. Семеныч хмыкнул и, уцепившись рукой за ветку, подтянулся, и очутился рядом. То, что было бы не совсем привычным, то есть приличным действием в Москве, здесь казалось почему-то естественным.

– Какие деньги? – загадочно улыбнулся он.

– Которые заработали! – уверенно кивнула она. – Попить хочешь? У меня яблоко есть.

– Хочу пить, все в горле пересохло, – Семеныч взял яблоко, и тут же отшвырнул, выплюнув изо рта откусанный кусок. – Ты издеваешься, что ли? Где ты его взяла?

– Да тут валялись под деревом. Я не виновата, что оно такое кислое, – расхохоталась она. – Я одно тоже попробовала откусить. Зато пить не хочется теперь.

– Это точно, – Семеныч сплюнул еще раз, доставая мятую пачку денег. – Не подбирай ничего с земли. Давай считать.

– Давай, – согласилась Катя, достав свою пачку из кармана.

Семеныч качнулся, чуть не упав с ветки.

– А у тебя откуда?!

– Оттуда же, что и у тебя!

– У меня из кафе, я пел, мне заплатили.

– И у меня из кафе, мне тоже заплатили.

– Хватит дурака валять! – разозлился Семеныч. – Тебе за что заплатили?

– За игру.

– Какую еще игру?!

– Я в официантку поиграла немного. Я подходила к тем столам, где попьаннее сидели, и просила их рассчитаться. Они давали деньги. А потом я незаметно ушла.

– Ты! Тебе казино было мало?

– Ну ладно, это – экстренная ситуация. Деньги-то нужны были. Давай считать, у кого больше?

– Если у меня, – загадал Семеныч и замолчал.

– То?

– Тогда ты больше никогда не будешь совершать такие легкомысленные поступки!

– А если у меня, то ты никогда больше не будешь таким занудой!

– Считаю! Ну? – Семеныч весело посмотрел на нее.

– Двести восемьдесят! – она показала ему язык. – А у тебя?

Семеныч опустил глаза.

– Проиграл!!! – Катя удовлетворенно хлопнула в ладоши. – Сколько?

– Пятьсот, – скромно сказал Семеныч.

– Выиграл все-таки... – разочарованно произнесла Катя.

– Ты нечестно играла, не расстраивайся, – поцеловал ее Семеныч. – Давай спускаться, у меня ноги затекли от напряжения.

– Там «седой» был в кафе. Давай еще посидим немного, все равно идти некуда.

– Я видел, – Семеныч поудобнее устроился и прижал Катю к себе. – Давай посидим.

Только недолго, а то я усну и упаду, это ты у нас бог ночи, а у меня глаза закрываются.

– Немножко посидим. Ты только сильно-сильно меня обними, как любишь, обними!

– Так?

– Так...

– Послушай меня, пожалуйста, не перебивай только, – стал шептать ей на ухо Семеныч. –

Когда я пишу музыку, мне не хочется спать или есть. Вот дети, во время игры, испытывают похожее состояние. Взрослым труднее, но они ищут в жизни это состояние. Состояние ухода в мир особой энергии. Наркоманы, религиозные фанатики, алкоголики, художники, музыканты, ученые – они знают это ощущение подъема психического состояния, увлеченности, небренности существования. И очень многие, входя в это состояние, творят, придумывают, открывают гениальные, запредельные вещи. И тогда случаются чудеса...

Катя молча слушала Семеныча, а тот воодушевленно продолжал:

– В студии будет вырабатываться и аккумулироваться творческая, хорошая, созидательная энергия, которая перевернет мир, перевернет сознание людей. Они поймут, что рождены творить прекрасное! Они поймут, как великолепна может быть жизнь. А сейчас, давай спускаться, потому что от усталости, можем перевернуться мы... Пойдем в твое казино. Если оно открыто, то попробуем выбраться из этого мира бродяг.

Семеныч прыгнул на землю и помог спуститься Кате. Поплутав с час по городу, они нашли улицу, на которой находилось казино. Толкнув незапертую дверь, они спустились по лестнице и оказались в зале, где Катя днем оставила все бумажные, ничтожные по своей сути, но почему-то необходимые атрибуты человеческого существования.

«Жаль, что у души нет паспорта или специального реестра, в котором ангелы скрупулезно записывали бы помыслы и поступки. Вот бы я поглядела на обнаженное человечество. Каково им будет смотреть друг другу в глаза? Как бы я посмеялась, если бы на миг, а лучше на неделю, сделать мысли людей прозрачными! Семеныч бы сказал, что я злорадная, – пронеслось у нее в голове, пока они шли по каменным крутым ступенькам. – Точно в ад спускаемся».

* * *

Молодой человек узнал Катю. Окинув оценивающим взглядом стоящего рядом с нею Семеныча, вопросительно посмотрел на нее, и когда она кивнула, пригласил пройти дальше.

Прошли через большой зал, уставленный столами с цветной разметкой. Сквозь шум бросаемых кубиков, сквозь стук бьющихся металлических шариков, шуршание фишек, сквозь ласкающих воздух, стелящихся по столу карт, сквозь шепот мольбы о везении, возгласы победы, молчание поражения, безумный взгляд и трясущиеся руки, они оказались в коридоре с множеством ответвлениями плотно закрытых, грубых дверей. Наконец они остановились в самом конце коридора. Парень постучал и, услышав в ответ неясный приглашающий звук, вошел один. Спустя полминуты он, раскрыв дверь, поманил рукой.

Они вошли в кабинет, оформленный достаточно аскетично. Без восточных атрибутов, вполне в европейском стиле. Длинный полированный стол, мягкие кресла и огромные, под потолок, переполненные книжные шкафы. Спиной к ним сидел человек на крутящемся кожаном кресле с высокой спинкой. Семеныч кашлянул, обозначив присутствие. И, когда человек повернулся к ним лицом, Семеныч поперхнулся. Перед ними был «седой» собственной персоной, с искренним любопытством поднявший на них свой вопросительный взгляд.

– Мы принесли деньги, которые я осталась должна в вашем казино. И хотели бы получить назад свои документы, – нарушила молчание Катя, сообразив, что ситуация уже вряд ли ухудшится.

Реакции мужчин на ее слова не последовало. Семеныч и «седой» молча и неотрывно смотрели друг на друга.

– Давайте разберемся! – Катя призвала их вновь, видя, что тишина накаляется, и никто из них ее не нарушает.

«Седой» нарочито медленно нагнулся к ящику стола, вставил ключ в замочную скважину и повернул его. Взглянул на Семеныча, неторопливо выдвинул верхний ящик, достав оттуда Катину сумочку. Вытряхнул все содержимое себе на стол. Рассыпались паспорта, телефоны, ключи, карточки, деньги и всякая мелочь. «Седой» взял паспорта в руки и неспешно стал листать, внимательно разглядывая страницы. Отложив один в сторону, взял другой, открыв на первой странице.

Ладонь Семеныча хлопком прижала документ к столу пачкой денег.

– Что это? – притворно удивился «седой» и поднял голову.

– Цветная бумага, – вкрадчиво ответил Семеныч, еще более наклоняясь над столом и приближаясь к лицу «седого». – Аппликацию можешь сделать, только ножницы я не прихватил, но, думаю, топор у твоих помощников всегда найдется. Снежинки вырубите себе.

– Хватит! – крикнул «седой», ударив по столу. Катя вздрогнула. – Ты в курсе, что это мои деньги из моего ресторана, где твоя беспутная девчонка почему-то решила, что может безнаказанно взять деньги и там?

– Оставим ее непутевость в благодарность за твой несовершенный грех убийства. А теперь ситуацию надо разрешать. Довольно с меня этих игр. Отдавай документы и Аллах, быть может, смилостивится, когда подсчитает, сколько душ ты погубил еще и игорной зависимостью, – Семеныч увидел свое отражение в глазах «седого», когда тот встал. Взгляд «седого» вдруг вспыхнул, словно загорелся, и погас. «Седой» отступил на полшага.

– Ты здорово пел. Но здесь будет моя песня, – «седой» вновь сел за стол, сложив руки, сплетая пальцы в кулаке, которым прижал деньги и документы.

– Пошли вон отсюда!

Семеныч выдернул из-под его рук документы:

– Черта с два!

«Седой» моментально вытащил из ящика стола пистолет и направил на Катю.

– Положи на место паспорта, – чеканя слова, произнес он, обращаясь к Семенычу. – Иначе вас вынесут отсюда.

Семеныч протянул руку, намереваясь положить документы обратно на стол. Катя, не разворачиваясь, медленно попятилась к двери, и на секунду замерла у стены. Наткнувшись на выключатель, опустила его вниз.

Тишина. Темнота. Шорох. Хрип. Шепот.

– Твоя песня малость не удачна, фонограммы не было, – Катя услышала сдавленное шипение Семеныча. Сделав несколько шагов к столу, она наощупь сгребла все в сумочку.

– Уходи! – приказал ей Семеныч.

– Нет, – испуганно мотнула головой Катя.

– Уходи!!! – взревел Семеныч.

Катя на мгновение обернулась, увидев в попавшей из коридора полосе тусклого света, что Семеныч сжимает в локте шею «седого». Пробежав длинный коридор, она пересекла зал, стараясь идти спокойно. Выйдя на улицу, помчалась к тому месту, где они сидели на дереве. Вскарabкавшись вновь на широкую ветку, аккуратно разобрала документы, разложив их с карточками по карманам сумочки.

Томительное ожидание тянулось невыносимо долго. Телефоны были разряжены, и сколько прошло времени, Катя не знала. Не справившись с нарастающей тревогой, она, так и не дождаввшись Семеныча, спустилась с ветвистого пристанища и побрела назад к злосчастному казино.

Рассвет потушил блеклые уличные фонари и высветлял дома. Пошатавшись около казино на противоположной стороне улицы, Катя увидела, как покурив у входа и попрощавшись, разошлись несколько работников казино. Следом подъехала небольшая японская праворульная бортовая машина, в которую погрузили с черного входа полиэтиленовые темные мешки.

«Если Семеныч еще там, то надо проникнуть внутрь и узнать, что происходит. А если его уже убили, и его тело в одном из этих тюков? Или он там лежит, весь окровавленный, и изо рта течет тонкой струйкой кровь? А если ему топором или кинжалом? И пальцы его не двигаются, а глаза смотрят, не видя...» – разыгравшееся вмиг воображение сменилось холодным потом. Катя глубоко вздохнула и сделала шаг навстречу, приготовившись к самому страшному. Одновременно скрипнула открывающаяся дверь, заставив Катю вскрикнуть от неожиданности.

Из проема показался очень усталый и вполне живой Семеныч.

– А я за тобой собрался. Заходи, – обрадовался он. – Нам нужно кое-что обсудить.

– Что так долго? Все в порядке? Выгнал меня, а сам застрял, а мне та-кое мерещится, – Катя, на секунду повиснув на шее у Семеныча, успела вскользь поцеловать его.

– Галлюцинации. Со мной все в порядке. Пойдем, познакомимся с Соломоном. Знаешь, достаточно интересный человек Я ему тут рассказал кое-что. Про нас. Про то, что с нами происходило. Он много чего знает.

Того, о чем многие даже и не догадываются, – сбивчиво говорил ей Семеныч по пути, но взгляд Кати становился колючим. – Не хмурься.

В кабинете густым туманом висел табачный дым, на столе стояли чашки с кофе и лежали в беспорядке старинные книги с пожелтевшими страницами. «Седой» стоял у открытого книжного шкафа и, увидев Катю, сел за стол.

– Садись, – Семеныч подвинул к столу широкое кресло и опустился в соседнее. – Знакомься, это Соломон!

– Имя «Соломон» означает «Мирный», – недружелюбно протянула Катя, встав рядом с Семенычем. – А с виду и не скажешь!

– Очень о многом с виду не скажешь, – усмехнулся Соломон. – А если и скажешь, то потом сто раз пожалеешь...

– Семеныч, пойдём! – повернулась Катя. – Я рада, что вы не убили друг друга. Документы и деньги у нас. Пошли, пожалуйста, отсюда.

– Постой, это все очень не просто, – сказал Соломон, обращаясь к Кате, показывая на какую-то потрепанную книгу. – Вот здесь...

– Я хочу уйти! – внезапно прервала она Соломона. – Я не хочу ничего слышать!

– погоди, погоди, – Семеныч встал, подошел ближе и нежно коснулся ее локтя. Поправил ее волосы, отодвинув пряди, и посмотрел на нее. – Я до тебя... Перед тем, когда увидел тебя, у меня был котенок, кошка... Недолго она была. Соломон говорит...

– Я ничего не хочу знать!!! Ничего!!! Замолчи! – закричала Катя, и ее глаза зло засверкали как молнии. Тут же переменившись, она умоляюще заглянула ему в глаза снизу вверх, и требовательно потянула за рукав пиджака.

– Пойдем, маленький. Пойдем отсюда! – ее ресницы потемнели от выступившей влаги, пальцы тербели полы его пиджака, а голос дрожал. Семеныч опешил, не зная, как ее успокоить, и в недоумении оглянулся на Соломона, ища поддержки.

– Она устала, – предположил тот. – Ей надо отдохнуть. Пускай едет в отель и выспится. Я позвоню и вызову такси.

– Нет! Я одна никуда не пойду! Я никуда не пойду одна! И слушать ничего не буду! И знать ничего не хочу! – она вновь раскричалась. Семеныч попробовал ее обнять, но Катя оттолкнула его, отступая к выходу. – Пойдем сейчас же!

– Мы пойдем, – обернулся Семеныч к Соломону. – Встретимся вечером?

Катя мгновенно притихла и вытерла слезы, прерывисто вздыхая. Соломон хотел подойти к ним ближе, но она настороженно попятилась, и он остановился:

– Обязательно, обязательно. Я пришлю машину. Продолжим. Я очень жду вас вечером. Мне нужно о многом вам рассказать. А пока – отдохайте. И мне не мешало бы. Пойдемте, я отвезу вас.

– Нет! – возразила Катя, намереваясь опять зареветь. – Не надо нас отвозить, мы сами.

– Мы сами, – эхом повторил Семеныч, в полной растерянности глядя на нее.

Катя шла вперед. Семеныч шел за ней, отмечая, что даже ее походка казалась сердитой. Только не доходя квартала до гостиницы, Катя, сбавив шаг, вложила свою ладонь в руку Семеныча.

– Что это еще за припадки были? – поинтересовался он.

– Галлюцинации, – кротко пожала плечами Катя.

Семеныч внимательно посмотрел на нее. Она весело улыбнулась, привстав на цыпочки, поцеловала его в нос и, пошла рядом, спокойно разглядывая еще спящий город. От недавней взбалмошности и капризности не осталось и следа.

– Что вообще происходит-то? – укоризненно спросил Семеныч.

– Ничего не происходит. Я спать хочу, – деловито объяснила она. – С тобой.

...Катя никому не рассказывала о некоторых событиях, которые происходили с самого начала их с Семенычем знакомства. По молчаливому сговору, они не обсуждали это и друг с другом. О таком можно читать в газетах, смотреть по телевизору, но никак не становиться свидетелями или участниками. Некоторые происходящие действия выходили за рамки понимания. Их можно было назвать необычными, нереальными, несуществующими. Не тревожимые памятью, как пустое осиное гнездо, они казались все менее реальными и опутывались туманом, а подсознание эгоистично для себя считало их сном и тщательно стирало сомнением их подлинность. Катя, испугавшись, что на нее просто выльется информация, которую не принять будет уже нельзя, заранее отвергнула ее наиболее доступным способом, на который способен человек с его абстрактным мышлением: предпочла не услышать. Она не была уверена в том, что Соломон сможет правильно истолковать то, что с ними происходило, посчитав его одним из тех людей, которые себя кем-то безосновательно возомнили и считают, что точно знают «как», «почему» и «зачем». Катя не видела ни единой веской причины рассказывать кому бы то ни было о том, что они видели и слышали с Семенычем. Все казалось слишком эфемерным, чтобы становиться достоянием более того круга существ, которые волей или неволей оказались свидетелями или участниками...

Проходя мимо большой рекламной вывески, на которой была изображена пара. Темные силуэты мужчины и женщины в поцелуе на фоне уходящего за горизонт солнца. Семеныч взглянул на плакат и перевел взгляд на тонкую талию Кати.

– Ты знаешь, я иногда думал о том, что если бы мы были вместе, наши чувства не были бы такими сильными.

– Утешаешь меня тем, что именно то, что мы не свободны, позволяет нам острее любить друг друга? Скажи лучше в очередной тысячный раз, что ты не оставишь свою семью. Что жена хорошая и ни в чем не виновата. Давай!

– Я действительно не могу причинить боль близким. Не могу. Это неправильно, – вздохнул Семеныч. – Если предположить, что я это сделаю. Я изменюсь. Стану злым оттого, что поступил плохо. Стану раздражительным. Ты не сможешь любить меня такого. И я не смогу себя принять таким.

– Ты же не пробовал. Почему ты считаешь, что знаешь, каким ты будешь? Почему ты решил, что знаешь, что будет дальше?

– Все равно. Ничего бы у нас не вышло, даже если мы изначально бы встретились. Все со временем было бы как у других. Привычка. Быт.

– То есть в любовь ты не веришь? – заключила Катя.

– Верю... – помолчал Семеныч. – Когда ее нет. Когда ее не хватает. Только тогда кажется, что она существует. А потом она...

«А что делать? – задумалась Катя. – Да, до встречи с тобой я считала также. Абсолютно также. Но очень сильные чувства я испытываю к тебе. И время их только усиливает, а его прошло не так уж и мало. Наслаждаться ими так? В редких встречах? Потому что вряд ли я смогу встретить кого-то лучше тебя. Вряд ли смогу любить сильнее или хотя бы так же. А значит, я обречена потерять это чувство. Через год, три, двадцать... Но ты останешься там, в семье. То есть без меня. Неважно почему. Пропадет страсть, симпатия или мы просто надоедим друг другу. Да и возраст... Он тоже рядом идет и стирает желание».

– Все дело в разнице потенциалов. В новизне. Будь мы вместе, мы бы исчерпали друг друга очень скоро. И было бы то же самое. Гулял бы я, гуляла бы ты. Или сожительствовавали, как соседи, невольно заглядываясь на чужие окна.

«Это лимит, что ли? – продолжала размышлять Катя. – Будучи вместе, он быстрее исчерпается? В общем, я поняла. Это рано или поздно уйдет, останутся только воспоминания и ощущения. Надо их побольше накопить, да и все! Их-то никто у меня не отнимет».

– Ты пойми, как я измучен тем, что мне приходится лгать родным.

– Понимаю, – отозвалась Катя, опустив голову. – Я – втихаря, музыка – тоже тайком. Мне вот одно интересно, любила бы тебя жена как я, зная, что ты женат? Принимала бы она тебя в таком случае?

– Не знаю... – грустно отозвался Семеныч. – Встретились вот мы с тобой. В наказание или на счастье.

– Давай думать, что на счастье! И так оно и будет. Мы ведь не специально? Все само закрутилось. Пусть будет. Кроме обмана, мы никому ничего плохого не делаем. Но ложь бывает и во благо. И в данной ситуации страдаем только мы. Все. Надоело это обсуждать. Пусть жизнь сама разбирается. Мы не в состоянии.

Семеныч чуть улыбнулся.

– У нас вид такой.

– Подумаешь, примялись немного. Всю ночь пробегали, на траве лежали, на грязных матрацах валялись. Отмоемся! – отмахнулась она.

Придя в отель и поднявшись в номер, Катя смогла только скинуть босоножки и дойти до кровати.

– Семеныч, раздень меня, пожалуйста. Или просто вытащи из-под меня покрывало и укрой. Я не могу двигаться. И дышать нет сил, – попросила она.

– Раздену, – улыбнулся Семеныч. Кофе, которое он поглотил в большом количестве в кабинете у Соломона, еще действовало, и Семеныч чувствовал себя достаточно бодро для бессонной ночи. – Ты засыпай.

– У меня мозг не спит. Все остальное только отключилось, – отозвалась Катя, лежа с закрытыми глазами. Она раскинула руки в стороны и, Семеныч удивился, как ее тело может быть таким безжизненным. Ни в одной мышце не было ни намека на сопротивление или сокращение, пока Семеныч бережно стаскивал с нее одежду.

– Все свое детство Соломон провел у монаха-отшельника. Монах вел очень строгий образ жизни, который состоял исключительно из непрерывного обучения и совершенствования своего тела, духа и разума. К этому он приучил и маленького Соломона. Много лет монах посвящал его в «тайные» знания, недоступные для понимания обычным людям. Когда Соломон вырос, то уехал учиться в Лондон. Там он инвестировал имеющиеся средства в развивающуюся ИТ-компанию, которая в дальнейшем стала известной международной корпорацией. Соломон стал успешным деловым человеком, и продолжал жить так, как его научил монах. Он объездил весь мир, занимаясь физикой и другими науками, которые очень любил. С легкостью обучался всему, что представляло для него интерес. Деньги позволяли ему развиваться во всех сферах деятельности. Он создавал финансовые компании, занимался строительным бизнесом, исследовал физические явления и внедрял нововведения, ставил научные эксперименты, изучал истоки всех религий и прочее, – Семеныч смолк. – Но больше его заинтересовала другая область. Невидимая. Человек, не как организм, а как тонкая организация сознания между мирами, еще плохо изученная, неподвластная. Все явления, смутно подтверждающие что-то еще, кроме видимой и осязаемой реальности, Соломон тщательно изучает. Спишь, Катюшик? Спи. Сон тоже является другим миром. И в нем тоже есть смысл. Может быть, гораздо больший, чем здесь.

– Я не понимаю, – проговорила Катя.

– Чего?

– Когда мы, то есть ты ворвался в тот домик, он хотел... Они ведь стреляли!

– А, – отмахнулся Семеныч. – Это было нечто вроде сходки местных авторитетов. А тут я. Они стреляли в воздух. Они не собирались причинить никакого зла. И потом, у тех, кто был в домике жесткие и короткие разговоры. Соломон вел себя просто соответственно ситуации и обществу.

– А топор? Я его как увидела, так и швырнула камень в окно от страха.

– Под его лезвием они просто хотели узнать, от кого я пришел.

– А в казино? – не унималась Катя. – Пистолет наставил он.

– Хотел к порядку призвать и только. С этим домиком и казино мы с тобой выглядели как малолетние отморозки.

– Ты виноват. Проникать в запертый заброшенный дом – неприлично. Смахивает на мародерство. Это совсем на тебя не похоже.

Семеныч засмеялся:

– Бес попутал. Или коньяк, тот, что ты мне принесла.

– Неважно. Соломон мне не нравится, и мне все равно, кого он там из себя изображает: гуру или шарлатана. Бандюга.

– Он довольно умный и вполне нормальный человек, – снова тень улыбки тронула его губы.

– Ага. Точь-в-точь, как мы, – пробурчала Катя. – Совершенно нормальные. Чересчур нормальные...

* * *

– Я знаю, кто вы, – первое, что сказал Соломон Семенычу, когда в кабинете они остались наедине.

– Я тоже знаю, – ухмыльнулся Семеныч, не ослабляя хватку, которой удерживал и душил Соломона, думая, что тот просто хочет отвлечь его и вырваться.

– Вы, – поперхнувшись, выдавил Соломон. – Вы представляете собой очень редкое сочетание двух почти прямо противоположных людей, но в то же время очень схожих. При вашем соединении...

– Чего?! – Семеныч все-таки разжал пальцы. Соломон часто задышал, потирая покрасневшую шею, и потянулся к чашке.

– Понятно теперь, почему он так к вам прицепился, – пробормотал Соломон.

– Кто прицепился?

– Один из тех, кого люди называют сверхъестественными существами. Ты же должен понимать, что это весьма условные понятия, отражающие разные состояния и отношения известных и неизвестных материй. Он великий эгрегор. Все имеет свою энергию: вода, дерево, животное, человек, группа людей. Если она концентрируется и набирает определенную мощь, то становится самостоятельной и разумной. Появляется эгрегор. Сверхъестественная сущность из другого мира, который может условно взаимодействовать с нашим. Тогда происходят чудеса. К сожалению, не всегда они бывают хорошими.

– Ты несешь откровенную бессмыслицу, которой напичканы сейчас желтые, мутные газетнки.

– Это существо, – Соломон, заметив, что Семеныч не желает или не способен вникнуть в суть дела, с некоторым разочарованием закончил. – Оно хочет доделать то, что не доделано было при создании мира. Оно хочет сделать мир, в котором люди будут счастливы.

– Всего-то? – Семеныч рассмеялся.

– Действительно, всего-то, – горестно улыбнулся Соломон. Кивнул на кресло напротив. – Кофе, вино?

– Кофе, – согласился Семеныч. Чудаковатость Соломона поначалу вызвала у него насмешливое любопытство.

* * *

Семеныч проснулся после обеда в Катиных руках, которые крепко сжимали его. Кое-как высвободившись, сел на постели и оглядел ее, спящую. Весь прошедший день и ночь казались чем-то далеким и неправдоподобным. Ее пальцы немного подрагивали во сне, словно хотели сжаться в кулак. Он ласково погладил ее руку, пальцы сразу расслабились и успокоились. Семеныч улыбнулся. Он чувствовал к Кате особую нежность.

Подождал к окну, поплотнее задернул шторы, чтобы свет солнечного дня не смущал ее сон. Достал айпад, наушники, задумался и стал скользить пальцами по экрану, потом быстрее...

Закончив, Семеныч взял паспорта и решил спуститься, чтобы узнать насчет обратных билетов, заказать припозднившийся завтрак в номер и заблокировать потерянную ночью банковскую карточку. На ресепшене ему передали, что Соломон звонил, и, сославшись на неотложные дела, просил перенести встречу ближе к полуночи. Подойдя к ресторану, который располагался на первом этаже отеля, Семеныч, собиравшийся было заказать еду, внезапно остановился, будто не понял, зачем ему туда идти, и, тряхнув головой, повернул обратно.

Едва открыв дверь в номер, Семеныч наткнулся на Катин испуганный взгляд.

– Куда ты ушел от меня?

– Да куда не уходил я. Вниз спустился. Я ведь недолго. Чего испугалась?

– Что ты без меня куда-то ушел, – ее глаза с тревогой смотрели на него. Семеныч улыбнулся.

– Вот я. Соломон занят, вечером к нему ходим.

- Нет.
- Что значит: «нет»? Ты опять?
- Не пойду к нему.
- Ну не ходи, я пойду.
- И ты не пойдешь.
- Я пойду.
- Пойдем купаться? – Катя откинула легкое одеяло. – Тут ванна огромная.
- Пойдем, – ссориться Семенычу совершенно не хотелось, к тому же в голове устойчиво держалось какое-то опьяняющее ощущение, словно он надышался краски.

* * *

- Соломон вернул все деньги, которые ты проиграла в казино, – вспомнил Семеныч по дороге, остановившись у какого-то магазина, когда они вышли прогуляться.
  - Как благородно с его стороны, – усмехнулась Катя. Заметив лихорадочный блеск в глазах Семеныча, спросила с тревогой: – Куда ты?
  - Зайдем? – Семеныч толкнул дверь, которая тут же отозвалась трелью колокольчика, повешенного у дверного косяка.
  - Ой, как тут хорошо, – вдохнула Катя прохладный от работающего кондиционера воздух. В рядах висели шубы, полушубки, дубленки, красиво отливая выделанной кожей и мехом.
  - Выпьете что-нибудь? – подбежал к ним любезный продавец.
  - Воды, – кивнула Катя, присев на низенькую скамейку. Она пила, делая небольшие глотки и держа жидкость во рту, растягивая удовольствие от свежести, которая разливалась по телу. Семеныч бродил по периметру помещения. Катя смотрела на него, любясь. Ей очень нравилось наблюдать за ним, чтобы он не делал.
  - Посмотри, – вдруг обернулся Семеныч. – Мы с женой в Греции были, но там не успели взять, как ты думаешь, ей светлая больше понравится или темная?
  - Не знаю, – сказала Катя, опустив глаза. Обидой колосось напоминание о том, что у него есть в жизни другая, самая главная женщина. За эти дни, проведенные в другом городе, прошлое отодвинулось очень далеко. И тем неприятнее сейчас повеяло его спертым дыханием.
  - Ну что, не знаю? Как мне выбрать-то? Ты б какую взяла себе?
  - Светлую, – еле слышно произнесла Катя, отвернувшись к окну, за которым в ровный ряд безучастно стояли аккуратно остриженные кустарники с маленькими желтыми цветками. Семеныч перешел к изделиям, что висели на противоположном ряду.
  - А длинную или короткую брать? – опять спросил он.
  - Не знаю. Какие она носит, такую и бери, – сухо ответила Катя.
  - Ничего посоветовать не можешь! – раздраженно сказал Семеныч. Она промолчала.
  - Да, наверное. В длинной теплее будет. Дайте мне посмотреть поближе вон ту и ту.
- Семеныч никогда так себя не вел, не разговаривал. Сейчас он стал чужим, незнакомым. Сначала Кате показалось, что все это розыгрыш, шутка или наказание за проигранные деньги, бессонную ночь и вынужденно продлившуюся командировку, из-за которой, наверняка, Семеныч чувствует себя не в своей тарелке. Ему никогда не нравилось обманывать, скрывать, изворачиваться. Но их отношения по-другому не могли существовать в обществе. Либо – ложь, либо безжалостное разбитие невинных сердец. Семеныч не мог ни оставить Катю, ни придумать выход, а потому нередко раздражался и злился.
- Катя ждала, что вот-вот Семеныч подойдет к ней, присядет рядом на корточки, положив голову ей на колени, и искоса посмотрит, нежно улыбнувшись. Но тот по-прежнему стоял у прилавка, придирчиво разглядывая и сравнивая две шубы. Катя сидела на скамеечке, держа

стакан с водой в руках, и ждала, пока Семеныч выберет. Вспомнила свои замерзшие руки зимой, когда стояла на остановках, добираясь на работу, которая находилась у черта на куличках, как Семеныч в это время греется в сауне в теплой качалке. Вспомнила, как он был недоволен, когда она встречами нечаянно или нарочно нарушала его привычное утреннее накачивание мышц. Как-то он даже приехал к ней утром и с раздражением сказал, что чувствует себя уютно, которым Катя пользуется в удобное ей время. Потом, правда, извинился. А на какую-то ночь вообще отказался остаться и крикнул, что его совесть «сожрет» перед женой, хотя на полтора часа все-таки заехал. Потом, правда, чуть не бегом убежал домой, опаздывая и ругая Катю, словно она силой затащила его в постель.

Внезапно ей стало холодно и от нахлынувших в памяти эпизодов, и от происходящего сейчас. Все-таки это никак не походило на Семеныча, невзирая на всю его невнимательность и нечуткость к ней. Катя и понимала Семеныча, прожившего с женой долгие годы, и не понимала почему человек, у которого возникли новые чувства, обязан их скрывать и жить во лжи до самой смерти, чтобы выглядеть пристойно в глазах общества. Она приняла Семеныча таким: чутким и бездушным, искренним и виноватым, несвободным и вольным, своим и чужим. Хотя, иногда, не выдержав, срывалась тоже. Только тогда ссора требовательно вынуждала их обоих признать, что друг без друга, неидеальных и несовершенных, они все-таки никак не могут...

Наконец, Семеныч выбрал и сторговался.

– Ей понравится? – спросил он у Кати, когда они вышли на улицу.

– Понравится, – с трудом подавив вспыхнувшее раздражение, ответила Катя.

«Совсем все границы перешел! – возмутилась она. – И ведь мне и крыть нечем. Чуть что, панцирь свой натянет со словами: «Это моя семья, а я тебя сразу предупреждал. Так что или так, или никак», как слепой, не пробьешь. А глаза узкие становятся и злые. Вот уснешь ночью, рукава оторву от этой шубы. Посмотрим, какие лица у вас будут при подарке!»

Катя невольно повеселела, представив эту картину, потом осекла сама себя за глупые мысли: «Ладно, не буду портить оставшийся день. Ой, хоть бы билетов не было, и мы еще на денечек остались! Сейчас уберет свою шубу и все будет как раньше. Он и я. И можно будет гулять, взявшись за руки. А ночью в постели болтать и смеяться. Как будто и нет никого, ни жены, ни мужа, ни людей этих, рабов своего существования».

Катя еще с детства нашла для себя способ решения неразрешимых ситуаций и проблем, поэтому они у нее долго не задерживались. Так произошло и здесь: она причислила женатость Семеныча к неизлечимой болезни и старалась с пониманием относиться к этому, чтобы не трепать нервы ни себе, ни ему, ни обществу. Конечно, если Семеныч вел себя в рамках приличия и вежливости. В противных случаях, Катя просто взрывалась...

Они зашли в номер. Семеныч упаковал подарок жене в чемодан и в довольном расположении духа достал айпад:

– Ты спала, я музыку записал. Послушай!

Катя взяла наушники и с интересом прислушалась. Последнюю, новую, она слышала в ресторане, когда он пел. И сейчас сердце забило часто. Она даже глаза закрыла, предвкушая удовольствие. И, когда Семеныч нажал воспроизведение, через несколько секунд глаза у Кати открылись и обиженно посмотрели на Семеныча. Через минуту, она, чуть не плача, стянула наушники.

– Возьми, – протянула ему.

– Не понравилось?

– Нет, не понравилось, зачем ты ее написал? Для чего?

– Для тебя!

– Меня?!

– Ну... Не придирайся, не нравится, другую напишу.

– А-а-а, – разочарованно протянула Катя. – Ясно. Нет, мне не надо таких песен, и других, «таких» не надо. Она плохая.

– Хорошая песня, – вспыхнул Семеныч. – Классная. У тебя слуха нет, и вкуса тоже. Ты не понимаешь. Больше тебе не буду песни писать.

Он отошел к окну и долго молчал. Катя без мыслей смотрела на его широкую спину. Вдруг он медленно заговорил, стоя спиной:

– Дело в том, что никто не любит мою музыку. Потому, что никто ее не слышит. Все слышат фонограмму, а я слышу музыку, но я не могу ее записать так, чтобы другие тоже услышали именно музыку, а не фонограмму. Поэтому, это не у тебя нет слуха, а у меня нет умения. Я это прекрасно понимаю. Ты раньше хвалила мои музыкальные сочинения только, чтобы меня не обижать. Теперь ты просто перестала это делать. И в том, что я тебе сказал, что больше не буду тебе показывать свою музыку, нет ничего обидного. Это восстановление статус кво. Мне и раньше не стоило этого делать, косвенно вынуждая тебя хвалить то, что не нравится.

Она вздрогнула. Сузились и поникли плечи: «Что происходит? Это не мой Семеныч, а кто-то посторонний. Даже это вообще, не Семеныч. Что, если...»

Если он таким и останется? Что, если он таким и был? И лишь временная влюбленность сделала его на время моим, а теперь исчезла?»

Катя, не выдержав, подскочила к нему и уткнулась в спину, просунув свои руки под его и приложив ладони к его груди. Она почувствовала его боль. Его душу, истерзанную огромным потоком разнообразной информации, которую приходилось обрабатывать в почти постоянном авральном режиме на неинтересной работе. Его укромный мир, наполненный музыкой и поиском чего-то хорошего, счастливого, чистого. Потом Катя высвободила рубашку из брюк и, приподняв ее, прижалась губами к коже, нежно целуя каждую родинку:

– Ну что ты? Мне нравятся твои песни. Я слышу их так, как они бы могли звучать. Эта не понравилась. Для меня она плохая. Но мне же не может нравиться все? Я люблю тебя, но мне не всегда нравится твое поведение. Но это не значит, что я люблю тебя меньше. Пойдем, погуляем?

– Я ее так и назову: «плохая», – Семеныч развернулся к ней лицом и сграбастал в охапку, приподняв Катю над полом, и засмеялся. – А тебе переделаю. Будет: «переделанная плохая». В голове какой-то туман. Вроде и не пили вчера.

– Ты коньяк пил! – засмеялась она, обхватив его за шею. – Прямо на тротуаре, прямо из банки!

– Во-первых, это не я. Это ты его мне подсунула. И ты его пила. А во-вторых, я несколько глотков только и сделал.

Катя, высвобождаясь, сползла вниз, не отнимая рук: Семеныч стал снова ее. И в глазах нет того чужого и ненормального блеска. Она звонко чмокнула его в ухо.

– Катя... – потер он ладонью ухо. – Кто так делает? Билетов, кстати, пока нет.

Она подпрыгнула от радости, расплываясь в довольной улыбке. Снова кинулась к нему, обнимая и вдыхая аромат его кожи.

– Пойдем гулять, – Семеныч и сам был очень рад тому, что остается еще с ней, а больше был рад тому, что рада была она. – Походим.

Катя насторожилась: Семеныч ходил, если хотел отвлечься от того, что было для него некомфортно, мысли, чувства, ощущения, словно хотел их утрясти, или растряссти...

– Все в порядке? – переспросила она.

– Да... – грустно произнес Семеныч, потому что ему, как и Кате, совершенно не хотелось возвращаться домой, в тот тесный и суетливый мир, напичканный опостылой работой, вечной усталостью, постоянными заботами, отсутствием времени, музыки и самой Кати.

– Дело вообще не в том, что человек, средний человек вынужден много работать, – ни с того, ни с сего произнесла Катя. – А в том, что он не любит эту работу. А если бы любил, то он не трудился бы, а творил. И был бы счастлив.

– Ты к чему? – Семеныч метнул на нее невеселый взгляд. Ему иногда казалось, что Катя читает его мысли, а понимает их лучше, чем сам Семеныч.

– К студии твоей. У нас просчет в обществе. Почему человек делает выбор раз и навсегда да еще в то время, когда он совершенно не готов его сделать? Что в профессии, что в спутнике жизни? А когда появляется желание сделать осознанный выбор, пропадают возможности. Человек оказывается лишенным свободы и озлобляется, как собака на привязи или тоскует как одинокий волк, отбившийся от своей стаи.

Глава 2

Жара не спадала, и духота оставалась тягучая, как густая пелена, от самой земли до светлого неба. Семеныч периодически смахивал ладонью пот со лба. Побродив по городу, они вышли на окраину. Зелень деревьев манила вперед, обещая хоть небольшую, но защиту от палящего солнца.

Одна улица перетекала, изгибаясь, в другую. Дома постепенно редели и перемежались с большими просторами садов, со свисающими спелыми фруктами на деревьях. Дышать становилось легче. Сады путались с мощными хвойными островами зарослей сосен и елей, насыщающими воздух смолистой приправой.

Серая аккуратная полоса под ногами вела дальше, под густо нависающими над ней кронами высоких деревьев и становилась уже. Сама дорога находилась в идеальном состоянии, как будто была нарисована на картинке. Катя, безжалостно вышвырнув неприятное утро из памяти, разулась и шлепала босиком, наслаждаясь ощущением горячего асфальта под ногами. Семеныч поначалу разулся тоже, но одной ногой ступив на раскаленный камень, тут же обулся опять.

Впереди дорога резко сворачивала так, что казалось, будто она оканчивается овальным тупиком раскидистых вековых елей. Если оглянуться, то сзади петляющая дорога также тонула в стене из зеленых деревьев.

– Красиво... Да, Семеныч? Мы идем по какой-то полосе без начала и конца, снизу серое, сверху голубое и зеленый плотный забор. Погляди, как точно все, даже трава, смотри, смотри! – Катя подбежала к краю обочины, показывая. – Растет, как будто по линейке. Видишь? Как будто мы в мультфильме.

– Вижу, вижу, – улыбался Семеныч, послушно оглядываясь по сторонам. А из головы незаметно отступал вопрос, беспокоящий все последнее время: «Неужели нет такого выхода из ситуации, чтобы всем было хорошо? И моей семье, и ее семье, и ей, и мне?»

Катя побежала вперед и вдруг остановилась, в полной растерянности оглянувшись на Семеныча.

– Что там? Тупик? Что ты увидела? – крикнул он.

– Посмотри сам, – она махнула рукой. Семеныч, заинтересовавшись, прибавил шаг. Дорога сворачивала вправо. Семеныч прикрыл веки. Шутя, сделал военный поворот на девяносто градусов на круто заворачивающейся гладкой ленте асфальта.

Перед ними открылось огромное здание из темного стекла. Его окружали аккуратные тротуарные дорожки, строгие стриженные ряды кустов, ровные аллеи. Шелковистые газоны обрамлялись светлым камнем и скрывались от солнца под тенью небольших деревьев. В центре внутренней площадки располагались скамейки с удобными спинками.

– Вот представь: большое отдельное здание из темного стекла, не примыкающее ни к каким другим строениям с огромным пространством внутреннего двора, с парковкой... – процитировала Катя слова Семеныча, которые слышала ночью.

– И другими вспомогательными прибабасами... – растерянно закончил тот.

Крыша из темно-зеленого стекла оканчивала макушку здания громадной пирамидой, матово блестящей на солнце. Вдалеке виднелась синяя широкая полоса канала. Вода в нем была прозрачной, но из-за бирюзовой внутренней отделки плиткой, казалась неестественного цвета. Канал уходил вдаль, по обе стороны тянулись широкие дорожки с низкими круглыми фонарями. Рядом были высажены деревья, на равномерном расстоянии друг от друга. Каждый сантиметр окружающего пространства был сделан досконально точно и безупречно красиво.

– Семеныч? «Арт-студия» существует? Или это мираж, как в пустыне?

– Не знаю, – недоуменно пожал плечами он.

– Здесь как-то могильно.
– И мне не по себе что-то.
– Мы пойдем ближе?
– Да, а чего нам? Пойдем, интересно же!
– Ты в последнее время во все двери заходишь, открытые они или нет, не замечаешь?
– Свои ищу, – отшутился он и поцеловал Катю. Она повернула его лицо к себе, заглянула в глаза и с облегчением успокоилась, увидев своего прежнего Семеныча. Почти прежнего. В этом городе он стал чаще улыбаться и меньше уходить в себя.

* * *

Они подошли к открытым стеклянным дверям здания. Прохладный холл с раскидистыми деревьями в горшках на мраморном полу, кожаные диваны, уютные журнальные столики, книжные полки, информационные стенды. Кое-где в уголках, виднелись оборудованные рабочие компьютерные места. Несколько кофейных автоматов. Столики с бутылочками питьевой воды.

Люди, изредка проходившие мимо, не обращали на них никакого внимания. Их никто не остановил и не поинтересовался целью визита.

Вскоре Катя и Семеныч, потягивали вкусный кофе, зачарованно смотря по сторонам. Холл по краям был обрамлен очень широкой лестницей, которая, как змея, извиваясь, ползла круговыми движениями снизу вверх и расходилась в стороны. Просторное помещение не имело дополнительных перекрытий. Этажи располагались по периметру. Прямо из холла, если поднять голову вверх, можно было увидеть пирамидальную крышу. Светлые бесконечные коридоры. Много стекла вместо большей части стен. Это стекло снаружи здания выглядело темным, а изнутри – прозрачным. Сквозь него виднелась окружающая территория.

Из-за бесчисленного множества дверей, доносились запахи красок, глины, гипса, слышались звуки музыки... Все пространство пронизывалось ощущением тепла и спокойствия.

Они обходили здание и бродили по коридорам, поднимались по лестницам и вновь ходили по коридорам, прислушиваясь к звукам, доносящимся из-за дверей. Где-то спорили, где-то стояла тишина... Люди, попадавшиеся им на глаза, казались добродушными, улыбчивыми, и чем-то сильно увлеченными.

На втором этаже Семеныч присел на диван в коридоре, притянул Катю к себе.

– Вот это работа. Я всю жизнь мечтал, о такой работе!
– О какой?!
– Ну вот о такой!!!
– Да о какой работе, Семеныч?
– Смотри, как здесь хорошо!
– Так ведь это только помещение.
– Ну и что?
– Работа-то тут у каждого своя.
– Тут энергия хорошая! Мне кажется, тут можно не работать!
– А что же делать?
– А ничего! Хочешь – работай, хочешь – не работай.
– Ты здесь остаться собираешься? – в полном недоумении спросила Катя.
– А что? Если платить неплохо будут.
– За то, что ты не будешь работать?! – она в ужасе смотрела на него, снова заметив в глазах Семеныча тот же самый нездоровый блеск.
– Ну... – протянул Семеныч. – Пойдем искать начальство!

Он поднялся и решительно пошел вперед, не обращая внимания на то, что Катя не пошла за ним, а осталась сидеть на диване, сдавив голову руками...

* * *

Она сидела долго, смотря в ту сторону, где смолкли шаги Семеныча, и исчез его силуэт. «Что же с ним произошло, что случилось там, у Соломона, я не узнаю его совершенно. Песня эта отвратительная, шуба, разговоры. Это не он. Как маятник. То он, то не он, – лихо-радочно думала Катя, глядя на проходящих мимо людей. Они приветливо кивали ей, словно знакомой, и шли дальше по своим делам. – Это уже подозрительно».

Она поднялась, поправляя рубашку, и руки остановились в движении – над диванчиком висела информационный стенд. Среди многочисленных объявлений, в левом верхнем углу стенда была прикреплена корпоративная газета с фотографией президента компании. С фотографии, прищурив глаза, улыбался Соломон.

«Вот она, сволочь седая. Зачем я ушла тогда, зачем оставила Семеныча с ним? Что «седой» с ним сделал?» – разозлилась и сразу же испугалась Катя. Идя по коридору, она внимательно вглядывалась в лица попадающихся навстречу людей.

«Они не от добродушия меня не замечают, им вообще нет никакого до меня дела! – поразила ее догадка. – Им вообще ни до чего нет дела! Они... Они смахивают на блаженных. На очень довольных сумасшедших!»

Вернувшись в просторный холл, Катя подошла к женщине, которая листала журнал, держа в руках чашечку кофе:

– Мужчина в светлой рубашке и брюках не выходил из здания?

– Нет! – радушно улыбнувшись, ответила женщина, и опять углубилась в чтение.

«Но это не ответ, она словно радостно подтвердила мои слова», – Катя отошла к кофейному аппарату и вновь подошла к женщине:

– Мужчина в светлой рубашке и брюках выходил из здания?

– Да! – с готовностью кивнула она, подняв голову, и снова вернулась к страницам.

– О-о, – застонала Катя вслух. – Это дурдом. Здесь одурманенные люди.

– Да-а-а, – ее же тоном опять ответила женщина.

«Вот тебе и «дом культуры», здесь что-то натворили с людьми, и они теперь такие мирные-мирные, Соломоновские овечки. Надо срочно искать Семеныча и вытаскивать отсюда», – Катя побежала по лестнице, заглянув в первую попавшуюся дверь. В просторном кабинете за столами, кто сидя, кто стоя, расположились мужчины. Они о чем-то спорили. Катя неслышно притворила за собой дверь и села за крайний стол. Не прекращая беседу, ее поприветствовали кивками головы и вернулись к разговору.

– Надо сделать висячие мосты здесь, здесь и здесь, – говорил один, показывая пальцем на чертеж. Катя подошла ближе – на большом ватмане был схематично отображен план города. Красными стрелками обозначались мосты, которые мужчина предлагал построить. Вся карта была излинована стрелками. Похоже, стрелки шли, чуть ли не от каждого строения.

– Это получится висячий город, – сказала Катя, обращаясь к усатому мужчине. – К чему столько мостов? Какой с них толк?

– Это красиво, я люблю висячие мосты! Некоторые будут немного покачиваться на цепях, и скрипеть под ногами деревом. Это будет необыкновенно! – ничуть не удивившись ее вопросу, воскликнул он. – Это город будущего, мосты делать надо на разном расстоянии от земли, словно уровни. Этот город будет уходить в небо!

– Послушайте, вы с ума сошли. Кому нужно столько мостов? – прервала его Катя.

– Да. Пока никому не нужно. Я делаю сейчас чертеж нескольких подобных мостов для Гонконгского парка, а это я делаю уже для себя. Я мечтаю построить такой город!

– Верно, – усмехнулся другой мужчина, стоявший рядом. – Это лучший в мире инженер подвесных конструкций. Давайте вернемся к подземным территориям. Между домами вполне много места, там нужно разбить парковочные места с развлекательными центрами. Мы избавим дома от дикого окружения четырехколесных тараканов! Можно глубоко уходить, я подсчитал! Можно сделать четыре уровня, если рядом нет высоток.

Мужчина поставил на плане галочки карандашом. Остальные то предлагали что-то свое, то перечеркивали чужие отметки на чертеже...

– Вы что делаете? – спросила она.

– Город создаем! Планируем! – увлеченно ответили они вразнобой. – Видишь, какой он будет совершенный!

– Создавайте, – пробормотала Катя, вылезая из-за стола. – А мне надо своего создателя поискать, пока он тут так же не погряз в подобном несбыточном плане.

Она вышла и заглянула в другую дверь. В огромном светлом зале, похожим на лабораторию всюду находились разнообразные приборы, на которых качались стрелки и мерцали цифры, мониторы с мелькающими графиками, измерительные регистрирующие автоматы...

Катя обошла все крыло второго этажа, но везде было одно и то же. Никто ей не удивлялся, люди занимались различными вопросами, то совсем идиотскими, то вполне реально осуществимыми. Можно было заходить в любой кабинет или зал, задавать вопросы и вступать в разговор. Люди любезно и радостно принимали Катю, даже не спрашивая ее имени.

В конце концов она устала бродить и остановилась в пролете лестницы, прислонившись лбом к нагретому солнцем стеклу.

«Семеныча надо искать среди музыки и компьютеров. Я, кажется, начинаю понимать. Соломон собирает талантливых людей здесь. Не просто талантливых, а почти одержимых своим делом. Они делают основные заказы для того, чтобы все это существовало и давало прибыль, но никто не запрещает им ковыряться в своих увлечениях до потери пульса и развивать свои мечты. Но почему они все такие оторванные от всего мира? Если Семеныч останется здесь, он так и про меня не вспомнит никогда... Что же Соломону от Семеныча нужно?» – Кате опять захотелось кофе. И она снова побрела к холлу, где располагались кофейные автоматы. Налив стаканчик, Катя подошла к двум, сидящим на диване, мужчинам, которые обсуждали и сравнивали свойства синтетической и природной основы пластмассы.

– Где вы живете? – без предисловий спросила она.

– Недалеко отсюда находится коттеджный поселок. Все сотрудники живут там, – ответил мужчина.

– И семья с вами?

– Нет, жена с детьми осталась в Петербурге, – без тени сожаления ответил мужчина, тут же вернувшись к прочности пластмассы.

– А вы? – обратилась она к другому мужчине.

– Я? В городе живу. У меня жена местная, правда, она здесь не работает, у нас там магазин есть, она свои безделушки продает, но я часто остаюсь здесь, потому что ехать туда только затем, чтобы поспать, нет никакого смысла.

– Выходные есть у вас?

– Да есть, сколько угодно. Но уж если взял проект, будь добр, закончи. А потом можно и отдохнуть или своим позаниматься, или новый братъ. Как хочешь.

– А зарплата?

– Нормально все, – сказал первый, с недоумением пожав плечами, словно это или вообще их не интересовало, или было в таком достаточном количестве, что теряло всякую ценность. Они опять стали говорить о пластмассе, и Катя, сжимая стаканчик в руках, отошла в сторонку.

«Вот и нашелся «рай» для работы, – грустно подумала Она. – Семенычев рай. Глядя на них, я вижу их удовольствие и спокойствие. Но почему мне кажется, что оставшись здесь, можно так же сдвинуться? Почему эти люди кажутся мне не совсем нормальными?»

Допив кофе, Катя пошла дальше. Заглянув в очередную дверь, утонула и сама. В полутемной комнате на громадных мониторах монтировался видеоряд с включением компьютерной графики.

«О-о-о!» – ей в глаза сразу бросился интерфейс компьютерной программы, изучить и попробовать которую никак не доходили руки. Тут же находились те, кто знал, умел, и совсем не прочь был посадить Катю рядом с собой, рассказывая и показывая все немыслимые функции программы. От огромных мониторов Катины глаза стали еще более голубыми. Через несколько часов, они отливали красным, и из них текли слезы от напряжения. Но все остальное для нее потеряло всякий смысл, кроме того, как на каркас посадить оболочку и заставить двигаться тигра по заданной траектории так, чтобы его движения выглядели бы настоящими.

Катя очнулась от сильной головной боли. Захотелось поесть или выпить что-нибудь горячего. И подумать, как сделать выходящего тигра так, чтобы высокая трава шевелилась в такт его шагам. Она даже не заметила, что по ту сторону стеклянного здания уже давным-давно село солнце, и вечер встречал ночь.

В холле на столиках стояли корзинки с горячими булочками, лепешками и пирогами. Катя взяла булку, густо посыпанную сладкой пудрой и, сжимая чашку налитого кофе, рассеянно пошла обратно.

Услышав негромкий мотив мелодии, который показался ей знакомым, Катя приоткрыла дверь. Семеныч сидел возле компьютеров и увлеченно о чем-то рассказывал рядом сидящему парню.

Катя подошла к ним, села рядом и протянула Семенычу половину булки. Семеныч не прекращая разговора, взял хлеб и, не замечая, что ест, откусывал куски. Он был сосредоточен и возбужден. На экране появлялись фрагменты компьютерных игр, а Семеныч накладывал на них аудиофайлы.

– Семеныч, – толкнула его Катя, пытаясь собраться с мыслями. Сознание ее немного прояснилось, и она старалась сообразить, что они здесь делают. Но в голове снова окутывалось все туманом, и мысли расплывались.

– Что? – Семеныч быстро взглянул на нее, и тут же, отвернувшись, продолжил беседу. Катя отшатнулась: он посмотрел на нее так же, как если бы смотрел на любого другого, постороннего человека.

– Семеныч! – еще громче и требовательнее сказала она, встав напротив него и загородив собою монитор.

– Ну что? Что? Кофе попила? Вот молодец. Сходи в западное крыло, там есть кафе, поешь, пожалуйста, – Семеныч легонько отодвинул Катю от экрана, и занялся очередной мелодией, подбирая для нее на слух исполняющие инструменты.

– Семеныч! – она вновь упрямо возникла между ним и монитором. – Пошли отсюда, тут не люди, тут одержимые, Семеныч, пойдем! Пойдем домой!

– Соломон скоро подъедет, не мешай. С Соломоном поговорим и поедем. Иди, погуляй. На улицу сходи, – вновь отодвинул ее от себя Семеныч. – Отстань.

Она растерянно постояла за его спиной, наблюдая за его движениями.

– Семеныч, ты не уходи никуда, я рядом буду, ладно?

– Да. Да, – пробормотал Семеныч, даже не слыша, о чем ему сказала Катя. Она спустилась вниз, намереваясь принести ему кофе и горячих булок. Сквозь распахнутые двери входа увидела, как подъехала огромная грузовая машина. Катя выскользнула на улицу и притаилась в тени фонарей, за аккуратно стриженными кустами. Из машины сгружали темные полиэтиленовые тюки, похожие на те, которые она видела в казино. Рядом стоял Соломон.

– Вот двадцать сюда, десять в столовую, остальные по ресторанам. Вот смотри, тут задания, – Соломон достал бумаги из папки. – Эти отнеси в компьютерный отдел, эти – в мастерскую, а это – в главный. Этот проводник здесь?

– Да.

– С ней?

– Оба здесь.

– Отлично. Занялись чем-нибудь?

– Более чем, за уши не оттянешь.

– Хорошо, буду у себя. Если про меня вспомнят, скажи, занят, переношу встречу на завтра. Они еще тут денек посидят, кофейку попьют, – проговорил Соломон. – И совсем потеряются. Мне очень нужно, чтобы они остались.

Когда рабочие выгрузили мешки, оттащив их к черному входу за углом, машина, заурчав, отъехала. Соломон уехал следом.

«Кофейку попьют... Кофе в казино пила я... Семеныч ночью пил у Соломона кофе, и, судя, по количеству чашек, они выпили много. Потом, когда шли сюда, он был почти нормальный, и мы здесь первым делом пили кофе, потом его дурацкий разговор, он ушел. Кофейку попьют... Ах да! Я же хотела принести Семенычу кофе!» – спохватилась Катя и вернулась. Налив две большие кружки, взяла лепешку с завернутым внутрь аппетитно пахнущим салатом, и, осторожно, стараясь не расплескать жидкость, понесла наверх.

Разгоряченный Семеныч сидел у мониторов в той же позе. Она поставила ему кофе на стол и вложила в левую руку лепешку. Семеныч был в наушниках, в такт чуть покачивая головой. Пальцы правой руки скользили по сенсорной подложке. Она подождала, пока он поест и выпьет кофе. Хотела рассказать про то, что слышала и видела внизу, но мысли стали непослушно путаться.

– Семеныч, я тут рядом. У компьютеров, я не помню номер. Через три двери направо, ладно? – отогнув у него одно ухо наушника, проговорила ему. Семеныч кивнул. Катю звал к себе недоделанный тигр на высококлассном экране.

Она села за компьютер и пропала в нем.

* * *

Прошло несколько часов, когда Семеныч почувствовал легкую усталость. Затекшее от долгого сидения тело требовало разминки. Он понял, что занятие стало надоедать. Дело было не в исчезновении интереса, а в том, что Семенычу потребовалась смена занятия и обстановки, которая сошла бы за отдых или перерыв, чтобы с новыми силами вернуться к делу. Завершив очередной фрагмент аранжировки, он снял наушники и сказал сидящему рядом молодому человеку:

– Пойдем, покурим?

Тот удивленно глянул на Семеныча:

– Ты шутишь?

Семеныч удивился:

– Нет. А что тут смешного?

– Лучше кофе попей!

– Я не хочу кофе. Я его, наверное, несколько литров выпил.

– Тогда поешь.

– Я не хочу есть. Я курить хочу.

– У нас не курят.

– Кто у вас не курит?

– Никто у нас не курит!

– Да? Тут такое большое количество людей, и ни один человек не курит? – Семеныч внезапно разозлился. Адреналин моментально разрушил то состояние полублаженства, в котором он находился в течение последних нескольких часов. Сознание его немного прояснилось, и он ощутил сильную горечь во рту, вызванную огромным количеством выпитого кофе и лепешек, которые все вокруг периодически жевали, не отрываясь от своих занятий.

Выйдя на улицу, он закурил. С каждой затяжкой создавалось впечатление, что его мозг выходит из туманного забытья. Семеныч словно прозревал, одновременно ощущая наваливающуюся усталость и опустошенность.

«Что за черт? – раздумывал Семеныч, ища разумное объяснение происходящему. – Что-то тут не так! Что же?»

Смутное впечатление неестественности не давало ему покоя. Услышав негромкое жужжание, Семеныч поднял голову вверх и увидел черное колечко видеокамеры, наблюдающей за ним.

– Что же вы тут устроили? – усмехнулся Семеныч и, выдохнув густую струю табачного дыма прямо в видеокамеру, бросил окурок, потушив его подошвой ботинка.

* * *

– Где она? – спросил он женщину, сидевшую за столиком возле входа.

– Кто она? – поинтересовалась та.

– Где девушка, с которой я сюда пришел?

– Вы? Но вы же сейчас один вошли?

– Сейчас один, а до этого...

Семеныч внезапно понял, что ничего не добьется: «Что-то Катя мне говорила, уходя... Черт, не могу вспомнить!»

«...я тут рядом. Через три двери направо...» – наконец в памяти всплыли ее слова. Семеныч поднялся на второй этаж, нашел кабинет, где он записывал музыкальные фрагменты для виртуального мира, отсчитал три двери направо, и открыл дверь. Катя сидела перед огромным экраном, на котором здоровенный тигр разинул пасть и сделал прыжок. Зверь замер с оскаленной пастью. Катя дернула мышкой, нервно нажала клавиши зависшего компьютера.

– Пошли отсюда! – Семеныч схватил ее за руку.

– Я никуда не пойду! – Катя смотрела на Семеныча, но ее взгляд не выражал узнавания, словно ее сознание оставалось где-то там, внутри монтажной ленты компьютерной программы.

– И не иди! – Семеныч наклонился, схватил ее в охапку, поднял на руки и быстрым шагом вышел с ней из кабинета. Катя пыталась сопротивляться, отталкиваясь и брыкаясь. Семеныч поцеловал ее в губы, и она затихла, обняв его за шею.

– Мы уходим, – твердо сказал Семеныч, опустив ее.

– Можно я останусь? – попросила Катя.

– Поздно. Я даже не знаю, сколько сейчас времени. Соломону надо позвонить. Пойдем. Мы еще завтра придем, – мягко уговаривал ее Семеныч.

– Я кофе возьму себе. Я пить хочу, – Катя сразу направилась к автомату, как только они оказались в холле.

– Не надо этого кофе! Уже дурно от него! – Семеныч потянул ее за руку.

– Я пить хочу! – вдруг разозлилась Катя, выдернув руку. – Мне попить тоже нельзя? Вот воды хоть возьму.

С этими словами, Катя мимоходом схватила одну из бутылочек воды, которые стояли на высоких подставках, рядом с булками и лепешками. Пока Семеныч соображал, что тут тоже может быть какая-то загвоздка, Катя открутила крышку и, жадными глотками выпила воду. А пустую бутылочку швырнула за стенд с прессой.

– Ты что вытворяешь? – удивился Семеныч.

– Мне показалось, что там должно быть мусорное ведро, – пожав плечами, спокойно ответила Катя.

– А если там диван и люди на нем? – Семеныч почувствовал, что он снова начинает вваливаться в это блаженство-отрешенность-забытье.

– Да? Ну что ж, пойду, извинюсь, – ответила Катя и двинулась к стенду.

– Все. Не надо, пошли отсюда. Мне что-то плохо становится, пойдем на улицу, – заторопился Семеныч, намереваясь скорее выкурить сигарету, чтобы опять взбодриться.

– Нет, погоди. Вдруг там люди, и я их убила? Бутылкой? А что если там не один человек? А двое? Ой, – Катя остановилась, и ее глаза испуганно расширились. – А если я троих прикончила?

– Все, мы уходим. Мне плохо! А тебе, по-моему, еще хуже, – пробормотал Семеныч. Но Катя все-таки успела забежать за стенд, и оттуда послышался ее смех.

– Семеныч! Там мусорное ведро!

Семеныч крепко взял Ее за руку:

– Пошли.

– Пить хочется! – Катя упрямо схватила другую бутылочку, но Семеныч резким движением отобрал ее и зашвырнул за спину в сторону стенда.

– Семеныч?!

– Там же ведро.

– Нет, я пошутила. Семеныч остановился. Дернул Катю за руку.

– Наплевать мне уже, что там.

– Ну не сердись! Там мусорная корзина. Не сердись. Пусти, мне руку больно, ну, пусти, пожалуйста. Уходим, уходим, если ты так хочешь, уйдем.

Когда они вышли на улицу, Семеныч сразу прикурил сигарету, потому что почувствовал, что только так придет в себя окончательно. Катя мотнула головой, прижалась к его плечу, потом дотянулась, привстав на цыпочки, и поцеловала в висок.

– Семеныч, какая ночь теплая! А как мы сейчас пойдем по темноте? – потом нагнув его голову, прошептала на ухо: – Я в туалет хочу. Покури пока, а я сбегаю обратно.

– Нет, – твердо сказал Семеныч. – Обратно не пойдешь.

– Но я очень хочу.

– На улице темно и никого нет. Иди, где хочешь. А я покурю.

– Совсем, что ли, с головой у тебя не хорошо? – обиделась Катя и пошла наперерез в неосвещаемую сторону кустов.

Семеныч докурил, но Катя не возвращалась. Почувствовав неладное, он пошел за ней. Чиркнул зажигалкой и при неярком свете короткого пламени пытался хоть что-то разглядеть. Услышав вдали легкое движение, Семеныч, отодвигая свисающие ветви, стал с трудом протискиваться через многочисленные ряды плотных кустарников.

Катя сидела на невысоком каменном парапете, отделяющем канал. Она сидела, вся сжавшись, обхватив руками колени и наклонив к ним голову. Семеныч провел ладонью по волосам:

– Маленькая! Что ты? Что с тобой?

Она приподняла голову и посмотрела на Семеныча сверкающими от слез глазами:

– Я не знаю. Мне страшно.

Семеныч присел рядом и обнял ее за плечи:

– Что случилось? Почему тебе страшно? Ведь ничего плохого не происходит...

– А что происходит?

Семеныч задумался и затем медленно ответил:

– Я не очень понимаю, что происходит, честно говоря. Вроде бы даже и наоборот. Творческие занятия. Интересные проекты...

– Как-то искусственно все это. Как будто их доят.

– Кого доят?

– Людей! Как будто всех этих людей, которые работают в студии, насильно заставляют всем этим заниматься.

– Но ведь никто никого не заставляет? И нас ведь никто насильно не заставлял заниматься. Меня никто не заставлял заниматься музыкой. Тебя никто не заставлял заниматься этим виртуальным тигром. Вот только с кофе что-то не то.

Она поднялась:

– Пошли. И с кофе что-то не то. И с булочками не то. И с водой не то, – тут Она вспомнила обрывок разговора Соломона, который случайно подслушала на улице, когда разгружали машину с тюками.

– Я вспомнила. Они хотели, чтобы мы пили это кофе.

– Кто они? – остановился Семеныч.

– Они... Соломон и его люди.

– Не переживай, разберемся. Во всяком случае, теперь мы будем настороже. Нужно только не показывать вида, что мы о чем-то подозреваем, а завтра взять с собой свое кофе и свои булочки, чтобы не выделяться из общей массы. А может сейчас встретиться с Соломоном?

– Не нужно сейчас, – устало ответила Катя. – Давай, сначала в себя придем. Завтра поговорим.

– У тебя голова болит? – спросил Семеныч, заметив, как она нахмурилась.

– Нет. Но как будто я в каком-то опьянении. В ушах шум, как под водой. И вообще, все в тумане. Ничего не понимаю. Студия непонятная, люди мутные. Как привидение, как сон. Ты ее только ночью так красочно описывал, и вот она. Тут как тут.

Семеныч шел рядом с ней, стараясь приноровиться к ее шагам:

– Здесь все работники выглядят очень рассеянными, и в то же время чрезвычайно сосредоточенными. словно концентрация их внимания увеличена и направлена исключительно на поглощающее их занятие. И их больше ничто не способно встревожить, кроме того, чем они занимаются в данный момент.

Придя в гостиницу, они наскоро ополоснулись под душем и почти одновременно заснули.

Семеныч вздрогнул во сне, приподнявшись, рука его шевельнулась по пустой постели и не обнаружила Катю. Он хотел было встать, но тяжелая голова упала на подушку, глаза не открылись, а разум провалился куда-то вниз.

* * *

Семеныч проснулся от гула, доносящегося с улицы. Лежал, не открывая глаз, соображая, что это могло бы значить. Вспомнив пустую постель ночью, дернул в сторону рукой.

Катя спала на краю кровати, в одежде. Семеныч сел, голова была словно в тумане, такими же густыми и тягучими оказались мысли. Он точно помнил, что они, придя ночью, приняли душ и легли спать в раздетом виде.

Семеныч прошел в ванную, умылся холодной водой, и, вытираясь полотенцем, замер, глядя в зеркало. Через проем незакрытой двери в ванную отражалось окно, которое за прозрачными шторами было полностью завешено белой тканью. Гул на улице становился то тише, то сильнее. Семеныч подошел ближе. Мокрая простыня полностью закрывала широкое окно, а ее концы были тщательно заткнуты в щели. На полу, под балконной дверью лежал плед, сложенный в несколько раз. Дверь в номер была заботливо укутана влажными полотенцами.

Семеныч оглянулся: Катя так же лежала, не шевелясь, уткнувшись лицом в подушку. Он подошел, поцеловал в шею, отодвинув волосы, и прошептал:

– А что происходит?

– Жарко было, – неожиданно раздался ее совсем не сонный голос.

– Ты поэтому вдруг решила одеться ночью и сейчас, упав, лежишь без сил?

Она легонько помотала головой, не отрываясь от подушки, и не ответила ему.

– Это да или нет? Что это за гул за окном?

– Сирена.

– Какая сирена?!

– Воздушная.

Семеныч развернул ее на спину и посмотрел в глаза:

– Куда ты ходила ночью? Зачем завесила все окна и двери?

– Снега просила, – лукаво улыбнулась она.

– Дали? – Семеныч напряженно вглядывался в Катину лицо, желая прочитать настоящий ответ.

– Нет. Я взяла сама.

– Снег? И что ты с ним сделала?

– Разбросала! – Катя вскинула руки вверх и опять перевернулась со спины на живот в ту же позу, уткнувшись лицом в подушку.

– Ну что за фокусы опять? – Семеныч бережно подвинул Катю от края постели и стал медленно стаскивать с нее футболку. Она мгновенно прогнулась, помогая его рукам, потом перевернувшись и приподнявшись, прильнула к нему в поцелуе:

– Это не фокусы! Посмотри в окно, там все белым-бело!

– Конечно, простыня-то белая, – Семеныч рассмеялся, снимая с Кати оставшуюся одежду. – И даже мокрая. Очевидно, от растаявшего снега, не так ли?

– Не так. Ты на улицу погляди. Только аккуратно отогни краешек, не снимай простыню с окна.

– Да верю, верю. Летом выпал снег, и подняли воздушную тревогу, – Семеныч уже обнимал Катю крепче.

– Ага, – покорно согласилась она. И эта опасная кротость заставила Семеныча насторожиться на долю секунды. Он хотел отодвинуть ее от себя, но в следующее мгновение Катя нежно и торопливо касалась губами его лица. Семеныч закрыл глаза, поддавшись, но гул за окном нарастал, напомнив о себе.

Семеныч порывисто прижал ее к своей груди, устремив невидящий взгляд в стоящий напротив шкаф, пытаясь сообразить, что происходит. Рядом со шкафом лежал чемодан. Через полосы расстегнутых молний виднелось что-то меховое. Семеныч медленно, словно силясь что-то вспомнить, отнял Катю от себя, и подошел к чемодану, грубо откинув крышку ногой.

– Что это? – отрывисто бросил он.

– Шуба, – Катя вздрогнула, испуганно натянула на себя одеяло и нагнулась за бельем, которое валялось возле постели.

Семеныч растерянно уставился на Катю. Она наскоро оделась и легла, вновь отвернувшись. События прошлых дней и ночей, мешаясь и путаясь, понемногу всплывали в его голове в виде обрывков, но в единый хронологический и ясный порядок никак не выстраивались. Семеныч пытался все вспомнить, но отрезки памяти пересекались и блуждали как в пьяном сознании: «Соломон... Шуба... Студия... Кофе... Компьютеры... Люди...»

Он в два шага оказался у окна.

– Не сдирай! – крикнула Катя.

Семеныч отогнул край простыни. Улицы, дороги, машины, дома были покрыты белесой известью, похожей на первый снег.

– Что ты сделала?!

– Сливки, сахар, пудра – можешь называть это, как угодно, – прозвучал твердый ответ. Семеныч ринулся к ней, грубо тряхнув ее за плечи.

– Что ты натворила?! Говори! Отвечай мне!

– Вчера вечером я спустилась вниз, когда ты там сидел. Подъезжал Соломон, с машин сгружали какие-то мешки, он говорил о кофе. Это, наверное, наркотическое вещество, которое по указке Соломона везде добавляют в его заведениях, как я поняла. В казино, в ресторанах, в студии. Он посадил весь город. Он подчинил себе весь город, и неизвестно, один ли. Теперь все об этом узнают. Теперь никто не закроет на это глаза. Приедет телевидение, пресса. Теперь ему придется отвечать! Я говорила, что там что-то не чисто, ты мне не верил. Убедись теперь, до чего твой Соломон хитер. Такой он умный. Вся его мудрость состоит в том, чтобы использовать людей! Заметь, не самым порядочным способом.

– Ты понимаешь, что сейчас этими парами может отравиться весь город? Люди!!!

– Ничего страшного, покумарятся в последний разок.

– Ты понимаешь или нет, глупая моя, ведь ты можешь уничтожить сейчас своими руками весь город. Надо было как-то по-другому!

– Вызвать госнаркоконтроль? Который, небось, об этом и так прекрасно знает. Он уничтожал столько людей неизвестно сколько лет! И уничтожал бы дальше! Зато прикрыта теперь его нирвана. Пусть ценой чьей-то жизни, зато другие останутся. Жертвы всегда были. Считай, что это стихийное бедствие. Зима пришла, и все вымерзли.

Семеныч посмотрел на Катю.

– Вставай, пошли.

– Никуда я не пойду. Пока эта дрянь не развеется, я и с места не сдвинусь.

– Пойдешь, вставай, – Семеныч сдернул ее с постели, но Катя, увернувшись, опять запрыгнула на кровать и закуталась в одеяло.

– Мне нельзя туда идти!

– С чего это вдруг? Других, значит, в жертву, а сама тут под мокрыми простынями отсидиваться будешь?

– А я не о себе беспокоюсь, – беспечно отозвалась Катя, плотнее обкладывая себя подушками, словно они могли бы спасти ее от разозлившегося Семеныча.

– В таком случае, я уйду один, – он нарочито неспешно оделся, тщательно проверил документы, убрал бумажник во внутренний карман и направился к двери. Обуваясь, нагнул на нее. Катя, насупившись, наблюдала за ним и упрямо сидела, даже не думая двигаться с места.

Семеныч сдернул все полотенца с двери, небрежно бросая их на пол, и взялся за ручку, потянув ее до упора вниз.

– Иди, иди. Пусть наш ребенок без отца останется. Иди, – ее голос очень медленно оказался где-то глубоко в его сердце, как готовящаяся разорваться граната, кольцо с которой уже сорвано.

Семеныч замер. Громко щелкнула в тишине, взлетевшая в обратное положение, ручка двери.

* * *

Семеныч отошел от двери и опустился на кровать, положив голову ей на колени. Через минуту Катина рука гладила его, как маленького, запутавшегося мальчика. Он лежал с открытыми глазами. Он был разбит.

Через полчаса поднялся и ушел, не сказав ни слова. Катя не находила себе места. То ходила по комнате, то лежала, пытаясь уснуть, то стояла у окна, и, отогнув простыню, смотрела на дорогу. Катя боялась, что Семеныч не вернется. Она по себе знала: иногда бывает такое сильное чувство стыда, что легче больше не показываться на глаза тому, перед кем чувствуешь себя виноватым.

«Зачем я ему сказала? – в отчаянии думала Катя. – Это не командировка получилась, а какой-то ад. То он врывается в закрытый дом, и в нас стреляют. Я проигрываю деньги. Теперь эта студия, более похожая на сумасшедший дом».

Семеныч вернулся под вечер. Катя, слышав его легко узнаваемые ею шаги, обрадовалась и испугалась одновременно.

– Весь город оцеплен, срочно эвакуируют людей, – спокойно сказал Семеныч. В его голосе не было ни упрека, ни раздражения, ни каких-либо чувств. – То, что ты натворила – может принести большую беду. Это вещество при определенной концентрации насытится кислородом. И на рассвете, прогреваясь лучами солнца, город просто взлетит на воздух. Собирайся немедленно, машина внизу, мы уезжаем.

Семеныч прошел в ванную и собрал туалетные принадлежности. Катя покидала вещи в сумку, застегнула чемодан с ненавистной шубой. И только потом заметила, что от Семеныча сильно разило алкоголем, и походка его, несмотря на четкость и ясность речи, была нетвердой. Взглядами они оба старались не встречаться.

Семеныч подхватил сумку, закинул ее на плечо, и, пропустив Катю вперед, захлопнул дверь. Чемодан остался в номере.

* * *

Машина ехала долго. Петляющая дорога разрезала напололам маленькие поселки, большие поля, пологие холмы, равнины, пока полностью не проводила солнце за горизонт.

– Закрой окно, мне дует! – первой нарушила молчание Катя.

– Оно закрыто, – улынулся Семеныч, и у Кати отлегло от сердца. По его тону она поняла, что в сложившейся ситуации он ее не винил, но поскольку ничего так и сказал – что будет дальше, пока неясно. Но то, что он остается рядом, было определено точно. Катя искоса посмотрела на него, еще раз убедившись, насколько сильно и болезненно любит этого мужчину.

– Открыто! – заспорила она.

– Закрыто! Стекла просто нет. Я его выбил, – Семеныч притормаживая, съехал на обочину. По обе стороны пустынной дороги простирались поля с высокой травой. Он проехал еще несколько метров, удаляясь от дороги, и остановился. Мотор шумно остывал.

Семеныч вышел. Достал из багажника воду, фрукты, жареное мясо, завернутое в фольгу, овощи. Расстелил плед на земле.

– Иди, поешь, пожалуйста, – сказал Семеныч, словно сам себе. Катя подошла и взяла бутылку воды.

– Поешь, я сказал, – он забрал у нее из рук воду и вложил кусок мяса.

«Семеныч, прости меня, – умоляли Катины глаза. – Пусть все будет, как раньше?»

– Я впустил тебя в свое сердце, в свою душу... А теперь... – Семеныч горестно махнул рукой и отошел обратно к машине. Достав из пакета прозрачную, запотевшую бутылку, стал с силой сдирать бумажную обводку и откручивать крышку.

– Не пей, – прошептала она. Размахнувшись, Семеныч со злостью зашвырнул бутылку в траву и тяжело оперся негнуцимися руками на край машины.

– Семеныч, иди сюда. Иди. Образуется как-нибудь все, – сбивчиво говорила Катя, чуть не плача. Ее сердце чувствовало огромную вину, не очень понимая ее смысл. Но сердце не умеет понимать.

Семеныч, мотнув головой, опустил сиденья машины. Сняв пиджак, подошел к ней, молча закутал, как ребенка и поднял на руки. Она крепко обвила его шею руками, и его губы прижались к ее губам.

– Спи, удобно тебе? Окно занавесить чем-нибудь? – Семеныч бережно опустил Катю на сиденье.

– Неудобно, руку дай свою.

– А теперь?

– Все равно неудобно, ты далеко очень!

– Я в двадцати сантиметрах, не придумывай.

– Я не придумываю, я так не засну.

– Закрывай глаза, я тебя усыплю, – Семеныч подтянулся поближе и стал легонько покачивать ее, обнимая.

Когда Катя заснула, он аккуратно вытащил ладонь из-под ее щеки, нащупал в кармане сигареты и вылез из машины. Закурил, глядя на улыбающуюся луну, бледный дымчатый свет которой чуть освещал небо вокруг себя и ласково падал на землю.

В полной неизбежности пришедшей ночи вдруг стало спокойно.

Семеныч убрал нетронутую еду обратно в багажник. Закурил еще и, меряя шагами землю, укрытую влажной травой, в задумчивости побрел вперед. Нога наткнулась на выкинутую бутылку. Вернулся.

Устроился на сиденье и долго лежал, отхлебывая жидкость из горлышка и прислушиваясь к Катиному прерывистому дыханию во сне, который кошмаром вскоре забрал и Семеныча к себе в лапы.

* * *

Семеныч очутился в неясной мерцающей тьме. Он двигался наощупь сквозь густое пространство, пока не почувствовал Катю где-то рядом. Он пытался подойти ближе, но что-то или кто-то не давало ему сделать шаг вперед, словно поставив между ними воздушный поток, по плотности превышающий Семеныча. Катя была в панике, и Семеныч чувствовал ее страх, как свой собственный.

У Семеныча заledenели ноги, судорогой сводило руки. И тут же холод обернулся жаром, который заставлял плавиться кожу. Семеныч чувствовал, как Катя защищается от кого-то или защищает что-то и просит о помощи.

Стало очень жутко. Семеныч находился на тончайшей, хрупкой грани реальности и сна. Где-то рядом была Катя, которой Семеныч отдал всего себя. Женщина, забирающая жизнь и дающая тревожную, необыкновенную любовь. Но Катя уходила. Семеныч ее не видел, он только чувствовал. А рядом дышала смерть. Вместе с этим начало скручивать и выворачивать все тело Семеныча, кости сделались мягкими, а кожи и вовсе не осталось. Дикая боль разрезала Семеныча пополам.

Вдруг Катя закричала, очевидно, от той же дикой боли и страха, которые терпеливо сносил Семеныч. Он больше не выдержал. Ему удалось все-таки схватить ее за руку, и тогда он с силой потянул ее к себе, чтобы прижать, укрыть собой и никому не отдать. Но Катя не шла к нему. Он упорно тянул ее к себе. Семеныч стоял на месте, и в то же время было ощущение дикой скорости, когда неосторожное небольшое движение приведет к взрыву или безвозвратной потере. Катин образ начинал рассыпаться в его руках.

Семеныч тянул и чувствовал, как она ускользает, перехватывал и вновь тащил... Воздух...

* * *

Вздрыгнул, проснулся. Ночь прочно и безмятежно покоилась, как и до приснившегося кошмара. Семеныч приподнялся, чиркнул зажигалкой. Кошмар продолжился наяву. Катя тяжело дышала, ее бледное лицо было искажено гримасой боли, лоб покрылся испариной, на

ресницах поблескивали слезы. Семеныч дергал ее за руки, тормозил за плечи, пытался приподнять голову... Но в ее теле не было сопротивления. Катя не открывала глаза и не отзывалась.

* * *

Он лихорадочно поднял сиденье, повернул ключ в замке зажигания и стал выбираться на дорогу. На огромной скорости Семеныч погнал машину назад. К городу. К домику со странной надписью: «Добро пожало».

Семеныч не мог объяснить себе, почему он решил, что Соломон остался в городе и может чем-либо помочь. Автомобиль пролетел по пустым улицам городка, который, посыпанный белым, разбухшим от влажного воздуха, порошком, прятался в ночи, ожидая страшного расвета.

– Соломон! Соломон, ты мне нужен! – Семеныч пнул ногой дверь и в несколько быстрых шагов оказался на пороге той комнаты, с которой все и началось несколько дней назад.

Соломон сидел на том же месте и пил вино, вальяжно расположившись в кресле. На коленях лежала раскрытая книга.

– Скорее, Соломон, не до разговоров! – Семеныч появился перед ним с горящими глазами и, взяв из его рук бокал, поставил на стол. Требовательная просьба несколько не удивила мужчину. Соломон торопливо встал и пошел вслед за Семенычем к машине.

Увидев Катю, Соломон охнул, нагнулся над ней, что-то бормоча. Семеныч прислушивался, но разобрать слов было невозможно. Катя открыла глаза через несколько минут. Соломон с облегчением прислонился к машине и сделал глубокий вздох.

Катя немного приподнялась на сиденье и тут же согнулась пополам:

– Семеныч, мне больно!

– Езжайте на запад, в пятидесяти километрах отсюда будет деревушка. Спроси Дамира. Он хороший фельдшер. Скажи – от меня, – сказал Соломон.

– Сейчас, маленькая, сейчас поедем, потерпи, – Семеныч сел на водительское сиденье и захлопнул дверь. В волнении не сразу смог повернуть ключ трясущимися руками. Катя вновь откинулась на сиденье и глаза ее закрылись.

Семеныч подал машину вперед, но через несколько метров, внезапно включил заднюю скорость:

– А ты?

– Я остаюсь. Возьми ей от боли, на два раза тут раздели, пока доедете, – Соломон протянул прозрачный пакетик со знакомым белым порошком.

– Скажи, зачем нужны были эти наркотики? – горестно спросил Семеныч. – Ведь это же...

– Какие наркотики? – удивился Соломон.

– Вещество это, – Семеныч показал на усыпанный город и на пакетик в руках Соломона.

– Да ты что? – Соломон в полном изумлении уставился на Семеныча. – Ты откуда такой информации нахватался?

– На практике. Мы как в тумане были эти пару дней.

– А вы ничего больше не употребляли? Алкоголь, например, сомнительного производства?

Семеныч вспомнил банку с коньяком, и его только осенило, что все началось совсем не с домика с вывеской: «Добро пожало», а именно со злосчастной банки с жидкостью. Этот дурман, который, словно спазмами то становился сильнее, то совсем ослабевал.

– Пресса шумит, – уже менее утвердительно сказал Семеныч.

– Им нужна сенсация. Ты вряд ли меня поймешь, но этот порошок никоим образом не относится к вредным веществам. Он просто не запатентован. Это, считай, легкое успоко-

ительное, к тому же крайне благоприятно действующее на мозговую деятельность, на нервную систему. Это растительное средство! Сублимированный экстракт из плодов инджина. Как добавка. Как витамин. Я не так давно его открыл. Трудность была в хранении. Оно взрывоопасное лишь при соединении с кислородом. И когда его много. Но, если изготовить его в суспензии или капсулах с добавлением обволакивающих веществ – оно будет полностью безопасным.

– Стой, но в студии. В твоей студии люди выглядели точно укуренные! Кофе это...

– Кофе? И что с кофе? – рассмеялся Соломон. – Брось. В студии работают удивительно талантливые люди. Согласен с тобой, некоторые кажутся не от мира сего. Но все гении немного нарушают нормы, особенно если им это позволить. Я одного физика выдернул из сумасшедшего дома. Общаться с ним невозможно. Он толком не может приготовить себе поесть, но до каких вещей он додумывается своим отрешенным разумом и годами корпее над такими работками, что лет, наверное, только через пятьдесят человечество это оценит.

Семеныча бросило в жар, когда он только допустил мысль о том, что Катя, все неправильно истолковав, причинила столько бед целому городу.

– Скорее! – кивнул Соломон на Катю.

– Город может взорваться.

– Вот и поторопись, рассвет занимается. У тебя была возможность остановить вращение медали добра и зла так, чтобы она упала нужной стороной. Но, когда медаль замерла с тем, чтобы упасть, ты, Семеныч, ты... Вновь заставил ее вращаться. Ты был перевешивающей силой, которой нужно было сделать выбор. Но ты не смог. Поэтому все продолжится. До следующего раза, – Соломон замолчал и пошел к дому.

– На чьей стороне был ты? – крикнул Семеныч вслед. – Кто ты? Я не понимаю, что ты говоришь!

– Уходи... Видно, не судьба была.

На улице стало чуть светлее. Опасное солнце поднималось. Семеныч гнал машину. Светлело. То тут, то там вспыхивали искры огня и, загнанные в щели деревянных заборов, оконных рам, скопления порошка начинали тлеть.

На выезде из города дежурили полицейские в специальной защитной форме, напоминающей фольгу. Семеныч свернул в поле. Высокая трава доброжелательно скрыла, с трудом пробравшийся по неровной земле, автомобиль.

Уже после, когда они нашли местного фельдшера, и были в относительной безопасности, земля содрогнулась несколько раз, а над городом высоко поднялось оранжевое марево чудовищного заката на рассвете.

Катя очнулась на мгновение, посмотрела в глаза Семеныча, где бездонное небо и бескрайнее море вновь пообещали ей о том, что все будет хорошо. И бессильно закрыла веки.

– Неси ее в дом, – сказал пожилой мужчина. – Я пока подготовлю все.

– Это вещество, которое рассыпано по городу. Не... Не наркотическое?

– Нет! – ответил мужчина, открыв шкафчик в сенях. Он доставал марлю, вату, пузырьки с йодом и спиртом. – Очень жаль, что так случилось. Соломона жаль. Так он боролся за производство этого лекарственного средства. У меня ведь были случаи, когда астма переходила в легкую кашлевую форму посредством приема этого порошка, не требуя больше применения гормональных препаратов. А теперь, не знаю, что с Соломоном будет. Не завели б дело уголовное по факту хранения опасного вещества. Ну, может, обойдется. Мужик он крутой. Заплатит, кому надо. Город жаль.

Семеныч вытер пот со лба и взглянул на Катю. Она была без сознания.

«Как все-таки дорого стоят ошибки... Маленькие и большие. Мои и твои. Свои и чужие», – поразился он.

– Уйди, – попросил мужчина Семеныча, войдя в комнату с инструментами, которые звенели в тазу. – Нет у нее аллергии?

– Нет... – Семеныч неохотно отпустил ее руку и отошел.

– Все нормально будет. Выкидыш, с кем не бывает. Молодая, здоровая. Еще родите. Самое главное, вовремя успели. У меня побудете некоторое время, я за ней пригляжу. Иди, погуляй пару часов.

Семеныч опустил на корточки перед закрытой дверью и долго сидел, слушая, как в комнате металлические инструменты с равнодушным стуком громко лязгали о жестяной таз.

«Все будет хорошо, – тяжело отстукивало его сердце. – С ней все будет хорошо».

* * *

Очнувшись, Катя не вставала несколько дней и ночей, от еды и питья напрочь отказывалась. Она лежала на постели в доме фельдшера, отвернувшись к стене. Просыпалась и лежала, почти не двигаясь, ждала, пока опять уснет. Семеныч изредка трогал ее за плечо, но Катя, передернувшись, сердито сбрасывала его руку. Он не знал, переживала ли она за потерянного ребенка или в полузабытьи слышала о том, что вещество оказалось безопасным, а может, ее мучила боль...

Семеныч не отходил от нее, устроившись на жестком топчане в узкой комнатке. Тупо смотрел на вытянутую фигуру Кати под одеялом и ждал.

Время превратилось в вязкую, серую паутину, растягивающуюся и сжимающуюся в соответствии с неким, только ему самому понятным, алгоритмом...

«Не трогай ее, – говорил фельдшер, когда заходил в комнату. Он осматривал Катю, выгоняя Семеныча поесть. Но тот выходил за дверь и возвращался обратно. При нем Катя отказывалась общаться с доктором. – Дай ей время».

«Время...» – растерянно молчал Семеныч, думая о том, что в Москве рвет и мечет начальник и волнуется жена, которая не знает, что и думать. Семеныч не звонил им. Он не знал, что сказать. Нельзя рассказать людям, которые послушно ходят на работу и примерно ложатся спать в своих кроватях, что его девушка в беде и отчаянии. Его любимая, уничтожившая город. Его душа, которая рвется. Его музыка, которая вечно звучит в сердце. А оправдываться и лгать у Семеныча почему-то теперь не поворачивался язык. Сейчас все стало неважным, кроме того, чтобы с Катей было все в порядке. Семеныч понимал, что потом лестница значимости снова крутанет своими ступенями, и потом придется себя чувствовать еще хуже. Будет просто омерзительное состояние, когда они вернутся. Ведь, наверняка, его все потеряли в сгоревшем городе. А телефон Семеныч отключил. Ложь зачастую мучает хороших людей, заставляя их лгать еще больше. Словно яма, которую, чем больше роешь, тем больше она становится, превращаясь в пропасть или собственную могилу.

С бог знает, каким по счету рассветом, в комнатке без окон, Катя откинула одеяло с плеч и повернулась к Семенычу. Они смотрели друг на друга уставшими глазами, под которыми пролегли глубокие тени.

«Она справилась. Я справился. Мы справимся, – одежда Семеныча была сильно измята, на лице щетина. Он поднялся с топчана и подошел. Встав на колени возле постели, Семеныч носом дотронулся до Катиной щеки.

– Вижу, дела налаживаются, – неслышно вошел в комнату фельдшер. Они обернулись. – Баня истоплена. Завтрак горячий. Подъем.

* * *

– Семеныч, а где ты машину взял? – Катя расположилась у него на коленях, водя пальцем по черточкам его лица. Она склоняла голову то на один бок, то на другой, заглядывая Семенычу в глаза. Он сидел на земле, привалившись спиной к шершавой коре толстого дерева.

– У домика Соломона, она с ключами в замке стояла, я разбил окно и поехал.

– А почему он ничего не сказал, когда мы к нему приезжали той ночью?

– Богам не нужны машины, наверное. Они нужны людям, – предположил Семеныч. – Ты лучше расскажи, сколько тонн порошка ты подарила ветру? И каким образом?

– Проще простого, – грустно ответила Катя, вздохнув. – Я пробралась в подвал студии, а из него выходили такие здоровые турбины с фильтрами, откачивающие воздух из помещения или для чего-то еще, не знаю. И стоило только открыть камеры и вспороть мешки, как эта мука сама засасывалась в них и улетала струей на улицу. Прямо вверх!

– Наверное, это была часть вытяжной вентиляции. А в подвал как проникла?

– Еще проще. Одна из этих труб не работала. Я проползла через лопасти. Ты знаешь, я, если честно, не понимаю, что меня сподвигло это сделать. Все эти дни я была в каком-то неясном состоянии. Меня сильно взбесил тот факт, что он потчевал наркотиками весь город. Но я еще до конца не уверена, что он ничем не травил людей в студии. Они на самом деле выглядели не очень адекватными. Или мне так показалось? Такое ощущение, что в этом городе, в те дни я была в сильном опьянении. Или во сне.

Семеныч промолчал.

– А попить осталось?

– В багажнике посмотри, там должно быть еще пару бутылок воды.

– Пить очень хочу, – Катя слезла с ног Семеныча и пошла к машине. Открыла багажник, заглянула внутрь, рукой шаря по пакетам. Достала один и оглянулась назад. – Семеныч, не спи!!!

Семеныч чуть приоткрыл один глаз и улыбнулся:

– Я быстро, пока ты пьешь.

Нежное солнце, ранним утром застенчиво поднимаясь из-за горизонта, обещало новый день в старом мире, который все же был не так уж плох. И сегодня Семеныч с этим согласился, проваливаясь в дрему.

– Се-ме-ныч! Семеныч!!! Се-ме-ныч!!! – через минуту новый день нетерпеливо тормозил и радостно дергал Семеныча за руки.

– Что, милая?

– Да открой ты глаза!

Когда он послушно поднял веки, Катя стояла над ним с пакетом в руках, который был перевязан бечевкой крест-накрест. Она дернула зубами узел веревки, и на Семеныча посыпались аккуратно упакованные, пухлые пачки зеленых банкнот.

– Откуда ты их взяла? – удивленно спросил Семеныч.

– Из багажника машины. Ты разве не видел этот пакет?

– Странно. Нет.

– Так эти деньги так и лежали в машине все это время?

– Наверное, не знаю. Я не разглядывал, что там было.

– Мы ведь приехали к Соломону на его машине, он не сказал ни слова, ведь он не мог не знать, что там остались деньги? Или ему ни машины не нужны, ни деньги?

– Почему, не нужны? Возможно, и не нужны. А возможно у него их в избытке, – задумался Семеныч. – Соломон... Кто же он? Плохой или хороший?

Она засмеялась:

– А почему надо все обязательно делить на плохое и хорошее? Можно прийти к хорошему через плохое. И к плохому – через хорошее.

Семеныч задумался:

– Если верна поговорка: «Благими намерениями вымощена дорога в ад», то верно и обратное. Злыми намерениями вымощена дорога в рай? Почему люди впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя? Потому что это единственный способ проникнуть в свой соб-

ственный мир, на время отодвинув другой. Этот мир сначала дарит положительные эмоции, то есть то, чего не хватает в обычной жизни. А почему жизнь устроена так, что всем не хватает счастья? Но ведь наркотики делают людей зависимыми и больными. С другой стороны, эти люди ведь занимались творчеством. И были полностью счастливы... Кому плохо было бы от того, что они могли бы что-то и принимать? Для общества они только приносили пользу! Ты же видела проекты? Для общества, которому абсолютно наплевать на них! А они были счастливы что-то создавать именно для общества. Они хотели сделать мир лучше!

– Семеныч, тут запутано все, как шар! А сам шар, потому и шар, что его окружность вертится и создает иллюзию шара. Да?

– Да, – Семеныч встал, собирая деньги. – Пора нам выбираться отсюда?

– Пора, наверное, – согласилась Катя.

– А я, может, и был бы не против этого порошка, если даже он и наркотический, но вреда здоровью не приносит, если бы чувствовал свою жизнь цельной и интересной, занимаясь своим делом. Я и с ума сойти не против.

– А я? – с тревогой спросила Катя, думая про себя, что ни одно дело не заменит ей Семеныча. Хотя до встречи с этим человеком, она тоже мечтала куда-нибудь провалиться с головой.

– И ты. Куда я без тебя? Надо попрощаться с Дамиром и отблагодарить его, – сказал Семеныч, озабоченно глядя на еще бледное, оттого почти прозрачное, лицо Кати, на ее заметно похудевшее тело.

* * *

– Давай быстро поедим? – предложила Катя, когда включила радио в машине и откинула голову на сиденье.

– Давай, – улыбнулся Семеныч и надавил на педаль. Катя вновь щелкнула на следующую радиостанцию и рука ее замерла.

«Ведутся работы по восстановлению сожженного города. По последним данным, ущерб составил более семидесяти процентов. Жертв нет. Власти города вовремя эвакуировали людей. Им предложена материальная помощь и предоставлены жилые помещения в соседних населенных пунктах. Финансирование проекта по расселению людей из района бедствия ведет неизвестное лицо из-за границы, совершая переводы денежных средств на расчетный счет, открытый специально для этих нужд. Власти и спецслужбы предполагают, что спонсором является сам Соломон Абрахансон. Он по-прежнему подозревается в причастности к созданию и синтезированию незапатентованного вещества, неправильное хранение которого, привело к огромной беде. Анализ данного вещества показал, что оно производилось из сухого концентрата мякоти редчайших плодов «инджин» методом сублимации. Хотя деревья, дающие эти плоды, согласно последним данным, на земле не растут уже много десятилетий. Вещество увеличивает работоспособность, снимает усталость, напряжение, тревогу и страх, повышает проницаемость сосудов головного мозга и способствует их насыщению кислородом. Противопоказания и побочные эффекты еще не изучены, – они переглянулись. Семеныч приложил палец к губам и сделал погромче: – Единственная опасность – хранение этого вещества. При определенной температуре воздуха, концентрации и соединении с кислородом, оно имеет устойчивую способность к воспламенению. Все люди, выехавшие из города, проходят диспансеризацию. Пока вреда, оказанного на их самочувствие и здоровье парами этого вещества, не обнаружено. По факту распыления вещества и дальнейшим многочисленным возгораниям в городе возбуждено уголовное дело. Полиции удалось найти данные съемок видеокамер наружного наблюдения. Разыскивается девушка примерно двадцати пяти лет, темные длинные волосы, светлые

глаза, внешность европейская. Фотороботы составлены нечетко. Уехала из города с мужчиной на черной машине, государственный номер...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.